

Ветер Мечты

ИАР ЭЛЬТЕРРУС

ПОСТУПЬ ПАЛАЧА

Mystic & Fiction

Дороги Палачей

Иар Эльтеррус
Поступь Палача

«Автор»

2018

Эльтеррус И.

Поступь Палача / И. Эльтеррус — «Автор», 2018 — (Дороги Палачей)

ISBN 978-5-906827-74-6

Да простят меня уважаемые читатели, прочитавшие «Веру изгоев», но эта книга описывает путь не Эрика, а совсем другого Палача, который поначалу даже не осознавал себя таковым. И Земля, изображенная здесь — это отнюдь не та Земля, что в «Вере изгоев». Почему так? Ответа у меня нет, так получилось. Сразу приношу извинения, но книга абсолютно не толерантна. Я воспринимаю термин «толерантность» только в медицинском смысле — как неспособность организма бороться с инфекцией. В социальном организме, обществе, это тоже так. История описанного мира также несколько отличается от истории нашей с вами планеты. Очень ненамного, но все же. У нас не происходило того, что произошло там. И наоборот. Данный текст серьезно переписан и изменен. С того момента, как я начал писать эту книгу, прошло несколько лет, изменился я, изменилась ситуация в мире, поэтому я и переписал «Поступь». Все совпадения с реальными людьми или событиями случайны. Книга с начала и до конца является плодом авторского вымысла. Автор

ISBN 978-5-906827-74-6

© Эльтеррус И., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Пролог	5
Нить становления	10
1	10
2	26
3	36
4	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Иар Эльтеррус Поступь Палача

Пролог

Бойцы медленно отступали, прячась за любым доступным прикрытием и продолжая стрелять, хотя каждый уже уяснил, что их врагу пули не страшны. О чем речь, если из эпицентра взрыва он вышел не только невредимым, но и в чистом, словно только что из химчистки белоснежном плаще!

– Да что же это, а, мужики?.. – с тоской спросил командир отряда, майор в запасе Алексеев, увидев, что выпущенная им почти в упор очередь оставила на одежде убийцы лишь крохотные искры. – Это что у него за снаряжение такое?..

– Да не в снаряжении дело, – устало покачал головой его помощник, Виктор Духов, тоже в свое время служивший в спецназе. – Тут что-то другое.

Они отступили за угол и бросили несколько гранат. Взрывы все так же не причинили никакого вреда беловолосому чудовищу. А бывшие офицеры действительно воспринимали его не человеком, слишком странно он выглядел, да и жутью от мерно шагающего бледного, как сама смерть, незнакомца в узких черных очках веяло запредельной. Эти очки являлись единственной деталью, выбивающейся из общей цветовой гаммы – вся остальная его одежда, и не только одежда, но и волосы, и кожа тоже были белоснежными. Он казался воплощением воздаяния, неотвратимого и необратимого.

– Знаешь, а он ведь не всех убивает, только отморозков... – заметил Виктор.

– В смысле? – обернулся к нему Михаил.

– В прямом. Наши ребята, служивые, в мокрые делишки не совавшиеся, живы. Без памяти валяются, помятые, но живые. А вот Упыря, Хоря и остальных из этой братии бледный по стенкам размазал. Никогда не видел, чтобы с человеком такое творили...

Вспомнив некоторые эпизоды сегодняшнего дня, Михаил вынужден был согласиться с однополчанином. Его бойцов, не успевших испачкаться в хозяйской грязи, беловолосый действительно только отшвыривал с дороги, а вот с блатными и другими подонками разбирался сразу, порой разрывая их на куски голыми руками.

Ничем, кроме чего-то сверхъестественного, объяснить себе случившееся майор не мог. И очень жаль было так нелепо умирать – он, разобравшись в сути той мрази, на службе у которой случайно оказался после возвращения из Донбасса в 15-м году, уже собирался уходить. Да и всю свою группу решил прихватить с собой, благо один из бывших сослуживцев позвал в частную военную структуру, которая на самом деле принадлежала кому-то из высших лиц государства, как бы не самому президенту, и использовалась в горячих точках. Стать одним из «вежливых людей» Михаил был совсем не прочь, тем более что подготовка и здоровье позволяли. Но буквально за два дня до ухода произошло нечто странное...

Этим утром олигарх приехал в офис очень напуганным, у него дрожали руки и губы, подергивалось лицо. Он тут же вызвал к себе Михаила и потребовал срочно поднимать отряд, поскольку сегодня, вероятнее всего, на их фирму нападет кто-то очень сильный. В чем именно сильный и какими возможностями обладает, трясущийся от ужаса и, судя по запаху, обделавшийся наниматель сообщать не стал, потребовав только, чтобы ни в коем случае не пускали в здание человека в белом плаще и черных очках. Больше ничего от него добиться майор не смог.

Выйдя из кабинета и в сердцах выматерившись, Михаил созвонился с ребятами, думая про себя, что если кто-то из них ляжет тут, защищая трусливую сволочь, то он себе этого не простит. Вскоре бойцы подъехали. Майор с гордостью оглядел их. Лучшие их лучших, каждый

проверен в бою, с каждым не раз дрался спиной к спине. Жаль, что ребятам пришлось уходить на гражданку – армия многое потеряла в их лице. Впрочем, совсем скоро они вернутся на службу, тем или иным образом, но вернутся. Родине снова потребовались люди, в грязи с подлостью не замешанные и знающие, с какой стороны держаться за оружие.

Помянув незлым тихим словом знакомого, завлекшего его на работу к олигарху, Михаил решил, что сразу после сегодняшнего кризиса сообщит нанимателю о своем и всего отряда уходе, дальше тянуть нельзя.

Пришлось разгонять с первых этажей здания офисных хомячков, которые сразу же зашевелились от любопытства и начали что-то там пищать о своих правах. Но их, понятно, никто слушать не собирался – охрана нижнего уровня, в которой были собраны сплошные отморозки, на сей раз сработала как надо. С ними никто из бойцов отряда дела иметь не желал, особенно узнав, чем они порой занимались по приказу хозяина. С последним пришлось жестко поговорить и сообщить, что ни один из его ребят участвовать в устранении конкурентов не станет. Их дело – охрана в случае нападения.

Судя по докладу заместителя, олигарх в этот момент потел в своем кабинете под охраной трех бойцов отряда. Но что его так напугало, по-прежнему говорить отказывался. И это казалось Михаилу странным, тем более что обращаться за помощью к полиции ему категорически запретили. Он терялся в попытках понять, кому предстоит противостоять.

Началось все довольно обыденно. Запертые двери из бронестекла, выбить которые можно было разве что с помощью гранатомета, внезапно сами собой осыпались дождем осколков, причем, как ни странно, никого не поранили. Хрустя подошвами по этим осколкам, в холл ступил очень странно выглядящий человек. Откуда он взялся перед офисом корпорации, никто из дежуривших снаружи бойцов понять не успел, как не успел и что-либо сделать.

Михаил едва не протер глаза. Лицо вошедшего было настолько бледным, что казалось белым. Того же цвета была и вся его одежда, которую, впрочем, скрывал длинный, почти до пят белый же плащ. Только узкие черные очки выбивались из имиджа.

– Это частная территория! – заставил себя шагнуть вперед майор, которому вдруг стало очень не по себе.

– Где он? – Ледяной голос незваного гостя продрал мурашками по коже.

– Кто?

– Ваш хозяин. Он превысил меру терпения.

– Чью? – заставил онемевшие губы раздвинуться в насмешливой ухмылке Михаил.

– Мою, – коротко сообщил незнакомец. – И Создателя.

– Не слишком ли много вы на себя берете?

– Нет.

Незванный гость попытался обойти майора, но тот преградил ему дорогу, наставив автомат. Бойцы медленно окружали человека в белом, подсознательно ощутив его опасность.

– Отойдите, не стойте у меня на дороге, – попросил незванный гость. – Я вижу, что вы честный человек и оказались тут случайно. Отойдите, Михаил Александрович, и заберите своих людей. Так будет лучше для всех.

– Откуда вы меня знаете? – изумился майор.

– Знаю. Я всех знаю. Поймите, ваш хозяин перешел все границы. Торговля органами и живыми детьми.

– Если он виноват, то все должно быть по закону!

– Есть высший закон. – Голос незнакомца оставался ледяным. – Человеческий перед ним – ничто. Эта тварь должна ответить за свои деяния.

С этими словами он двинулся вперед, а Михаила вместе с тремя другими бойцами мягко отодвинула в сторону невидимая сила. Он попытался было ухватиться за рукав белого плаща, но не смог даже дотронуться до ткани, ее защищало нечто прозрачное, но четко осязаемое.

Майор всегда был материалистом и не верил ни в бога, ни в черта, однако сейчас ему стало не по себе. Колдун перед ним, что ли? Чертов беловолосый продолжал не спеша идти к лестнице, а охранники просто отлетали с его дороги. При этом двух особо омерзительных типов из вспомогательной охраны, которых никто из нормальных бойцов терпеть не мог, просто размазало по стенам кровавыми пятнами.

– Огонь! – обреченно выдохнул майор, ему почему-то очень не хотелось отдавать этот приказ.

Бойцы подняли автоматы и принялись экономными очередями расстреливать человека в белом. Но это не помогло, тот продолжал медленно шагать вперед. Куда при этом подевались пули, Михаил понять не смог, он только ошалело помотал головой.

– Плащ-бронезилет, что-ли?.. – с изумлением в голосе спросил Серега Вихренко, которого его знакомые считали вообще не способным удивляться. Редкой флегматичности был человек.

Остальные тоже смотрели на происходящее, вытаращив глаза. Но бойцы майора быстро взяли себя в руки, опыта им было не занимать, и перенесли огонь на голову незнакомца. В отличие от них отморозки из вспомогательной охраны палили в белый свет, как в копеечку. Парочку пришлось даже вырубить, чтобы своих же не подстрелили.

К сожалению, на стрельбу в голову незванный гость точно так же не обратил внимания, продолжая двигаться к лестнице. Похоже, единственный шанс защитить нанимателя – срочно уводить его отсюда. И хотя Михаила коржило от одной мысли спасти такое ничтожество, он собирался приложить к этому все усилия, честно отрабатывая зарплату – и немалую, надо сказать.

– Вихренко, Духов, Сомов, Джамаев за мной! – скомандовал майор, бросаясь к лифту. – Остальным – придержите беловолосого любой ценой!

Уже когда за ними закрывалась дверь лифта, Михаил услышал взрыв гранаты, за ним – еще один. И еще. К счастью, осколки прошли мимо, хлестнув по стене неподалеку. Оказавшись на третьем этаже, майор ворвался в кабинет, где сидел трясущийся и зеленый от ужаса олигарх.

– Бежим! – Майор буквально за шкуру вытащил нанимателя из кресла и потянул за собой. – Нам его не удержать!

Взрывы из холла внизу доносились почти непрерывно, видимо, там шел нешуточный бой. Михаил сжал губы – там гибли его ребята, а он вынужден возиться с убогим трусом, боящимся ответить за свои поступки. И почему он согласился работать на это существо? Деньги сыграли свою роль, конечно, но ведь для майора они никогда не были в жизни главным! Однако он дал слово защищать, а значит, будет защищать.

Они бежали по коридору к запасному выходу, прикрываемые четырьмя бойцами. Олигарх тоненько повизгивал, дрожа всем телом, заламывал толстые руки и сулил золотые горы, если его спасут. Михаил обращал на его слова столько же внимания, сколько на собачий лай – давно знал, что этому человеку, если его можно так назвать, верить нельзя.

Выбив ногой хлипкую дверь, которую он давно просил заменить на добротную, но наниматель все жадничал, майор осторожно выбрался во внутренний двор и осмотрелся. Беловолосый здесь еще не появился, а значит, можно успеть добраться до одной из служебных машин, которой он пользовался в последнее время и ставил на внешней стоянке в конце узкого переулка – надо увезти этого идиота. Хотя куда увозить? Тот еще вопрос...

– Придется ехать в полицию, – хмуро бросил Михаил нанимателю. – Если жить хотите, больше некуда. Ваши дом и дача недостаточно защищены, беловолосый разнесет их, как кучу щепок.

– Куда хотите, только спасите меня от него!!! – взвизгнул олигарх.

– Придется признаваться, – хмуро предупредил майор.

– Что угодно!!! И-и-и!...

Михаил смотрел на это нечто, называвшее себя человеком и мужчиной, и не понимал, как можно так себя вести, как можно настолько поддаваться страху. Смерть грозит? Так все когда-нибудь умрут. Зачем унижаться?..

Поташив за собой продолжающего всхлипывать и ныть толстяка, он выглянул за ворота. Чтобы добраться до переулка, где ждала машина, требовалось миновать метров двести довольно широкой улицы. Тогда Михаил рванулся вперед, держа олигарха за руку. Тот что-то возмущенно заверещал, изо всех сил семеня толстыми ножками. За ним короткими перебежками двигались Духов с Джамаевым. Остальные двое остались прикрывать.

Позади раздались взрывы. Оглянувшись, Михаил успел увидеть вылетевшие из ворот тела своих ребят и закричал в отчаянии зубами. К ним ринулся Виктор, быстро осмотрел и вместе с напарником оттащил к стене. Как ни странно, но бойцы, похоже, выжили, причем даже не сильно пострадали, поскольку зашевелились и сели.

В этот момент из ворот показался беловолосый. Он целенаправленно двинулся к Михаилу с завизжавшим, как недорезанная свинья, олигархом. Майор зло сплюнул и принялся стрелять, хоть толку от этого было и немного. Затем они с Виктором скрылись за углом, куда уже убежал на четвереньках наниматель, понимая, что не успевают дойти до машины – незваный гость двигался вроде неспешно, но на деле получалось очень быстро, он словно скользил над землей. Джамаев повернуть не успел и из-за поворота не появился, только послышался глухой вскрик.

Все эти воспоминания промелькнули перед глазами Михаила за какое-то мгновение. А ведь действительно, беловолосый, похоже, жалел его ребят. При этом безжалостно уничтожал головорезов из вспомогательной охраны. Но как он определял, кто есть кто?..

Они с Виктором начали дружно стрелять в показавшегося из-за поворота беловолосого, гранат уже не осталось. А вскоре закончились и патроны. Майор обреченно опустил автомат, не став доставать пистолет – смысла в этом не было ни малейшего. За его спиной слышались всхлипывания и подвывания пытающегося отползти олигарха.

– Не надо, майор, – мягко остановил беловолосый собравшегося броситься в последнюю отчаянную рукопашную атаку Михаила. – Я не желаю зла ни тебе, ни твоим ребятам. Никто из них особо не пострадал, разве только несильные ушибы. Вы честно воевали в Чечне в то время, как эта мразь, – рука в белой перчатке указала на олигарха, – продавала чеченцам оружие и убивала людей для разборки на органы.

– Неправда-а-а!!! – завизжал тот.

– От меня в этом мире нет ничего скрытого. – Голос незваного гостя прозвучал насмешливо. – Ты ответишь за все сделанное. Я помещу тебя в Сферу Воздаяния, где ты переживешь все, что когда-либо пережили погибшие и пострадавшие по твоей вине. Ничего больше. Только то же самое, что ты сделал другим – сколько бы их ни было. Десятикратно.

Да майора не сразу дошло, как собирается наказать олигарха беловолосый, а когда дошло, у него едва волосы дыбом не встали. Это что же получается, виновный переживет всю боль и все отчаяние каждого, кто из-за него пострадал?! Да кто такое выдержит?! Он уже понимал, что видит перед собой отнюдь не человека, а нечто, пришедшее то ли из высших сфер, то ли из преисподней.

– Ты сотворил ради себя самого и своих страстей столько, что только для перечисления понадобилось бы полдня. – Голос беловолосого оставался таким же ровным и безразличным, словно его не волновало ничто на свете. – Поэтому приговор окончательный и обжалованию не подлежит. Заплати болью и ужасом за боль и ужас тех, кому ты причинил зло. И это будет продолжаться, пока ты не начнешь хоть что-то понимать. Пока искренне не раскаешься. Только после этого ты уйдешь на перерождение.

Рука в белой перчатке взметнулась вверх, и тело заоравшего не своим голосом олигарха взлетело в воздух и окуталось разноцветным сиянием, вскоре превратившимся в почти невидимый

димый туманный шар. А беловолосый, потеряв к наказанному всяческий интерес, повернулся и сделал два шага, прежде чем Михаил спросил, очень тихо спросил:

– Кто ты такой?..

Незванный гость обернулся, и майору показалось, что у него вынули душу, положили на ладонь, тщательно рассмотрели до последней мысли и чувства, оценили и вернули на место. А затем беловолосый обронил:

– Я тот, кого никто не ждет... – и исчез.

Нить становления

1

Пустой подвальный зал, под потолком которого висели восемь туманных шаров диаметром метра два каждый, был пуст, если не считать задумчиво потирающего подбородок человека средних лет с короткой прической ежиком. Он был одет в широкие джинсы с кучей карманов и растянутый свитер. Человек задумчиво рассматривал эти шары и изредка едва слышно ругался.

– Все смотришь, Сергей? – раздался у него из-за спины усталый голос. – Ну и чего насмотрел?

– Сам знаешь, что ничего, Петро, – нехотя отозвался следователь по особо важным делам ГУ Следственного Комитета РФ по Санкт-Петербургу Сергей Иванович Пенкин, поворачиваясь к плотному усатому мужчине в мятом костюме в полоску.

– Не надоело еще меня по-хохлацки звать? – набылся тот.

– Так ты ж у нас хохол, али как? И сало любишь, я знаю.

– Достал уже своими безвкусными шуточками! – скривился Петр Петрович Саенко, старший следователь того же заведения.

– Ты чего такой злой?

– Да шеф стружку снимал. И новую информацию выдал.

– Какую? – оживился Пенкин.

– Разную, но в основном по этому вот. – Саенко показал на туманные шары. – Такое началось не только в Питере, но и в Москве с Екатеринбургом. И там, и там – по трое. Еще два случая в Париже и один в Берлине, но эти хоть нас не касаются. И то хлеб.

– Блин! – не сдержался следователь. – Да что ж это такое-то?!

– Знаешь, после того, что сегодня сообщил шеф, я ни одного из этих скотов жалеть не могу, – кивнул на туманные шары оперативник.

– И?..

– Оказывается, беловолосый на месте каждой своей акции оставляет папочку с убийными доказательствами преступлений «жертв», причем такими, что если бы хоть одна из этих папочек попала нам в руки до того, как до козлов добрался он, то сели бы они до конца жизни. Там и расчлененка, и торговля органами, и педофилия с убийствами, и продажа оружия, и наркоторговля, и многое другое. Так что это не невинные люди и честные предприниматели, как нам говорили, а самые что ни на есть подонки. Но их связи тянутся высоко, поэтому найти убийцу очень хотят.

– Су...и... – прошипел Пенкин, нехорошо прищурившись. – И для этого они выбрали именно нас?..

– Знают, что мы ж...у порвем, но искать будем, честные мы, понимаешь ли. – Насмешливо взглянул на него Саенко. – Я, конечно, понимаю беловолосого, душой за то, что он прав, но... закон есть закон.

Сергей покивал, но предпочел промолчать – он не во всем был согласен со старым приятелем, иногда позволяя себе небольшие отступления от закона, чтобы отправить за решетку подонка, против которого не хватало улик. Если, конечно, был полностью уверен, что это именно подонки. Впрочем, а кем еще могут быть криминальные авторитеты? Людьми их назвать трудно.

– Пошли отсюда, пообедаем, – бросил Петр, разворачиваясь на каблуках. – Толку нет смотреть, все равно не знаем, как из этих чертовых шаров людей доставать.

– Идем, – уныло согласился Пенкин.

Они вышли из подвального зала, где хранили доставляемые со всего города почти неведомые туманные шары. Их приходилось отлавливать сетями и транспортировать сюда, причем это старались делать как можно быстрее, чтобы не вызывать ажиотажа среди населения, от которого происходящее пока еще удавалось скрывать – никто не хотел паники, а она вполне могла возникнуть, люди испокон веков боялись неизведанного. Охранники проверили документы выходящих и заперли стальную дверь на несколько замков, навесив на нее печати – доступ сюда имели очень немногие.

Поднявшись с подземных этажей на лифте, следователи заскочили в кабинет за верхней одеждой, покинули здание и выбрались на проспект, направляясь в кафе, где предпочитали обедать – недорого и вкусно. По мнению большинства сотрудников ГУ оно имело огромный недостаток: там уже несколько лет нельзя было курить, задолго до официального запрета, но Сергея и Петра это не слишком беспокоило. Один вообще не курил, бросив после ранения во время задержания матерого бандита, а второй хоть изредка и покуривал, но только когда сильно нервничал. До кафе нужно было пройти около трехсот метров, но это тоже не смущало – прогуляться по свежему воздуху всегда полезно. Сегодня, правда, шел дождь со снегом и дул пронизывающий до костей ледяной ветер, поэтому прогулка удовольствия не доставила.

Заказав себе по борщу и второму, следователи поели, затем взяли кофе и решили посидеть до конца обеденного перерыва здесь, в душный кабинет возвращаться не слишком хотелось.

– Давай-ка еще раз пройдемся по всем вехам этого глухого дела, может, заметим какую-то пропущенную раньше деталь, – предложил Саенко.

– Ну, давай, – пожал плечами Пенкин.

Петр славился в управлении своей дотошностью, он выстраивал достоверные версии, обращая внимание на такие мелочи, что другие следователи только диву давались. И добивался успеха на чистой логике. Сергей же работал совсем иначе, он был интуитом, видел сразу всю картину преступления и его причины, очень быстро понимал, кто именно виноват, а только потом начинал собирать доказательства. И почти никогда не ошибался. Эти двое дополняли друг друга, поэтому в деле, на котором обломали зубы уже многие мастера сыска, их поставили равноправными напарниками, хотя формально старшим в следственной группе и считался Саенко.

Предки Петра действительно были родом с Украины, но уже шестое поколение их рода жило в Питере. А его самого напоминание о происхождении раздражало, особенно в свете событий последних лет в «незалежной» – майдан и случившееся в последовавшие за бунтом кастрюлеголовых годы не нравилось сыщику категорически. Он сразу просчитал, кто во всем случившемся был заинтересован и кто все устроил, поразившись, что люди на Украине не в состоянии сделать столь элементарных выводов. В 14-м году, когда началось так называемое «АТО», а затем убийства женщин и детей нацистскими выродками, Саенко вообще взъярился и долго кричал о том, что пора брать автоматы и идти на помощь восставшим против фашистов. Очень надеялся, что родное правительство наведет на Украине порядок, однако этого так и не произошло, что до сих пор вызывало у Саенко горестное недоумение. Нет, он все понимал, вычислил причины, почему сдали назад, но хорошо помнил слова: «Русские своих не бросают!» А на деле бросили, как ни горько это признавать. Капитализм, будь он проклят во веки веков! Выгода, больше ничего не имеет значения. О совести и чести давно забыли. К концу пятнадцатого года окончательно разуверившись во всем, следователь заставил себя успокоиться и продолжать честно делать свое дело. Вот только и до сих пор гневно сопел, слушая новости.

– Итак, давай с самого начала, – Петр развернул салфетку и поставил на ней жирный восклицательный знак вынутой из нагрудного кармана ручкой. – Все это начало раскручиваться

три недели назад. Нам позвонили из дирекции международного холдинга «Инвестком» и проорали в трубку, что охрану разносит какой-то тип в белом, и пули его не берут. Когда наряд прибыл, все уже закончилось – директор холдинга, по словам выживших охранников, висел в воздухе в виде туманного шара. Поначалу им не поверили и вызвали скорую из дурки, но после просмотра видеозаписей происшедшего пришлось поверить. Поначалу дело попало к Симонову, но он быстро сдался – ты же знаешь Симоныча, он только очевидные вещи раскрыть способен. Но первичные допросы охранников старик провел хорошо, даже я не могу придаться. Улик обнаружил множество, но ни одна из них никуда не вела.

– Извини, что прерываю, но хочу отметить явную сверхъестественность случившегося, – поднял палец Сергей. – Ты можешь верить в это или нет, но возможности беловолосого однозначно превышают возможности человека, и объяснить их специализированным оборудованием нельзя. Не существует оборудования, способного на такое!

– С последним соглашусь, но не могу назвать это сверхъестественным, – вздохнул Саенко. – Мы просто чего-то не знаем.

– Не забывай о бритве Оккама, – иронично напомнил Пенкин. – Все другие версии мы уже перебрали, ни одна не подтвердилась. Поэтому я и считаю, что беловолосый обладает чем-то, недоступным человеку. Вспомни хотя бы, как он целеньким выходил из эпицентра взрыва. И даже плащик оставался белым и не помятым.

– Возможно, он использовал некий генератор защитного поля, – продолжал стоять на своем Петр. – Это тоже многое объясняет.

– То, что я сказал, объясняет, – усмехнулся Сергей. – А вот многое другое – нет. Хотя бы то, как он мгновенно перемещается. Вспомни, во время событий в Техноцентре он за одну секунду перенесся с шестого этажа к выходу из здания, перехватив свою жертву. Этажи там открытые. Камеры засняли, как он исчезает в одном месте и появляется в другом.

– Не знаю я, как это объяснить! – огрызнулся Саенко. – Но и поверить во всякую ненаучную чушь тоже не могу!

– Петро, ты меня знаешь... – Пенкин потер ладонями виски. – Вспомни, моя интуиция хоть раз ошибалась?

– Было пару раз. Но по мелочи.

– Вот именно, что по мелочи. А сейчас она буквально вопит, что не в технике дело. Мы столкнулись с чем-то... не знаю даже, как сформулировать.

– Твою мать! – не сдержался Саенко. – Вот только экстрасенсов долбанных нам для полного счастья и не хватало!

– Поэтому ты прав, нужно тщательно проработать все еще раз, может, тебе удастся заметить что-то, что все пропустили.

– Ладно, поехали.

Следственный комитет в последние три недели буквально стоял на ушах, никто не знал, кому еще нанесет визит человек в белом. Богатые бизнесмены Питера пришли в ужас, осознав, что кто-то охотится именно на них, и ринулись в бега. Точнее, кто в бега, а кто попытался затаиться в своих особняках, защищенных всем чем только можно. Но это не помогало – беловолосый находил своих жертв везде, проходил сквозь охрану, как нож сквозь масло, и настигал жертву, заключая ее в туманный шар. Ученые поначалу просто не поверили рассказам полицейских, пока сами не увидели записи, но многие все равно считали, что это подделка и отказывались сотрудничать, говоря, что с откровенным шарлатанством дела иметь не желают. Те же, кто согласились, бились над вопросом: что же такое представляют из себя эти туманные шары и как достать оттуда людей? Но пока безрезультатно.

Олигархи подняли все свои связи в правительстве, и Управление начали трясти со всех сторон, требуя любой ценой отыскать преступника, и срочно. Но что могли сделать оперативники? Ничего, как вскоре выяснилось – традиционные методы поиска не давали ника-

ких результатов. К делу подключилась ФСБ, начав параллельное расследование, но и это не помогло. Все оставалось по-прежнему – неизвестно откуда вдруг возникал беловолосый, предварительно напугав будущую жертву очень похожим на реальность сном (об этом успел перед визитом человека в белом рассказать начальнику своей службы безопасности владелец одного из крупнейших банков страны), сметал охрану и настигал приговоренного. Как теперь выяснилось, именно приговоренного, а не просто жертву, как полагали следователи раньше. При этом он ни с кем почти не говорил, кроме обвинения и слов: «Ты превысил меру терпения!»

Обычно большинство действий беловолосого снимали камеры, на которые он не обращал ни малейшего внимания. Никакое оружие, даже крупнокалиберный пулемет и гранаты, не причиняло ему вреда. Как выяснилось три дня назад, огнемёт тоже – он вышел из огня все таким же невредимым и в чистом плаще. Записи разбирали покадрово лучшие следователи и аналитики Управления и ФСБ. Ходом расследования ежедневно интересовались лично президент и премьер-министр. Было выделено едва ли не неограниченное финансирование. Приданы спецы ГРУ с экспериментальным лучевым оружием. Но все было тщетно. Ни разу не удалось опередить беловолосого. Олигархи не верили ни полиции, ни ФСБ, надеясь на собственную охрану. И оказывались в туманных шарах один за другим.

– погоди, снова зашли в тупик, – поднял руку Сергей. – Ты говорил, что шеф поделился с тобой информацией. Можно подробнее?

– Да не проблема, – пожал плечами Петр. – От нас скрывали, что беловолосый оставляет после себя папочку с доказательствами преступлений «жертвы». Причем шеф сильно нервничал и очень неохотно признался, что не понимает, как можно узнать то, что узнать в принципе невозможно, поскольку все свидетели мертвы. Похоже, эти папочки многих изрядно напугали – они поняли, что точно так же можно докопаться и до их грехов. А наверху у всех рыльце в пушку. Вот и стараются найти беловолосого и уничтожить любой ценой, пока он до них не добрался.

– Опять не то! – забарабанил пальцами по столу Пенкин. – Не то! Вот какой-то детали в этой мозаике не хватает, чтобы что-то понять. Что-то вертится в голове, но никак поймать не могу.

– Слушай дальше, – продолжил Саенко. – В других городах и за границей – единичные случаи, но почерк тот же самый. Некоторые жертвы были отловлены прямо в гостиницах, а один – на своей яхте в открытом море.

– Вот оно! – оживился Сергей. – А проверь-ка, не из Питера ли все они.

Петро некоторое время растерянно смотрел на коллегу, а затем схватился за мобильник и принялся названивать в Управление. Задав пару вопросов и выслушав ответ, он изощренно выматерился.

– Я прав? – усмехнулся Пенкин. – Беловолосый работает только по Питеру? А по области?

– Нет, никого пострадавшего из Ленобласти нет, – с досадой взмахнул рукой Саенко, едва не разбив телефон, который все еще сжимал в ладони. – Только живущие в самом городе. Слушай, а как я на это внимания-то не обратил? Это же в глаза бросается!

– Но это нам тоже не особо много дает. Хотя круг поиска значительно сужается. Впрочем...

– Что?

– Я вот одного не понимаю, – невпопад произнес Пенкин. – Ну найдем мы им беловолосого. И что они станут с ним делать? Он же неуязвим.

– Наверное, будут либо искать способ уничтожить, либо пытаться договариваться, – почесал в затылке Саенко. – А так – кто их знает!

В этот момент его мобильник буквально завершал – эту противную мелодию он поставил на тревожные звонки из Управления. Следователи переглянулись, и Петр поспешил ответить. Выслушав, помрачнел и подорвался с места, выдохнув:

– Еще один случай! На Петроградке! Есть свидетели!

Сергей тоже вскочил и ринулся за коллегой, чуть не сбившим с ног вошедших в кафе девушек и услышав их язвительный комментарий по поводу двух хамов. Они помчались по улице к Управлению, где уже должна была ждать оперативная машина. Это оказался микроавтобус, полный экспертов и оперов, там едва нашлось два сидячих места, да и то с одного пришлось согнать стажера, пристроившегося после этого сзади на запаску.

– Что-нибудь уже известно? – спросил Саенко.

– Да все то же самое, – пробасил Евгений Николаевич, долговязый седой мужик лет шестидесяти, большой любитель пошлых анекдотов. – Только сегодня особо кроваво. Говорят, он охранников буквально по стенам размазывал, а обычно их щадит. Там у свидетелей истерики, особенно у баб – все вокруг в кровище и кишках.

– Кто пострадал?

– Один из владельцев «Lamis Enterprice Ltd», Торидзе Вахрам Рустамович. Да-да, тот самый Беспалый. Вор в законе.

Следователи переглянулись и совершенно одинаково, по-волчьи, радостно оскалились – оба годами мечтали достать эту нелюдь, но не получалось, не хватало доказательств, а свидетели бесследно исчезали. Пусть не они, но хоть кто-то заставил Торидзе заплатить за все. Оба готовы были поклониться беловолосому за это, но, конечно, высказывать вслух свое желание не стали.

Полицейский микроавтобус под завывание сирены неся, смазывая повороты, чуть ли не становясь на два колеса – водитель, Ваня Елизаров, был бывшим автогонщиком и водил как бог. Поэтому довез до места очень быстро. Следователи высыпались наружу и поспешили к линии оцепления, окружающей здание «Lamis Enterprice Ltd», на ходу доставая удостоверения. Полицейские за лентой стояли буквально зеленые, стараясь не смотреть в сторону здания, в котором на нескольких этажах не осталось стекол. Пресса тоже почему-то не пыталась проникнуть за ограждение, как и зеваки.

– Ну что там? – нетерпеливо выступил вперед Саенко, глядя на Семена Прятова, обычно невозмутимого старого опера из петроградского управления. Но сейчас губы того тряслись.

– Сам смотри, я туда еще раз не хочу... Много видал, но такого – нет! Там все стены в крови и дерьме! Головы на бронзовые шишечки лестницы насажены! Это что за маньяк такой?!

– Выжил кто-нибудь?

– Особые охранники покойного – их этот подонок только помял, а майора бывшего с помощником, что ими командовали, и вовсе не тронул.

– Кроме охранников и самого Торидзе кто-нибудь пострадал? – вступил в разговор Пенкин.

– Нет, Сергей Иванович, – покачал головой Прятов. – Что удивительно – нет.

– Его обычный почерк, – переглянулись следователи.

– Так он не впервые такое устраивает? – прищурился старик.

До сих пор информацию об этом деле удавалось скрывать от общественности, а взрывы в офисах объяснять войной банд, но теперь не скроешь, слишком кроваво действовал на сей раз беловолосый. Пресса обязательно хоть до чего-то, но докопается.

– Это – девятый случай, – вздохнул Саенко. – Но раньше он все тише, что ли, проделывал. И ни разу невиновного не тронул, все пострадавшие такие твари, что до многих мы сами годами мечтали добраться. Да о Торидзе ты и сам, Петрович, знаешь. Кстати, возле каждого беловолосый оставлял папку с доказательствами, только начальство наше драгоценное это скрывало, мне самому только сегодня сказали.

– Вот оно что... – протянул Прятов. – Но седня он отличился. Я только никак не могу понять, почему одних охранников он буквально размазал по стенкам, а других – не тронул.

– Есть у меня одно подозрение, – задумчиво потер подбородок Пенкин.

Остальные требовательно уставились на него.

– Что-то мне кажется, что и по прежним делам придется выяснить все по поводу выживших и погибших охранников. Похоже, беловолосый щадит тех, кто не запачкан в чем-то особо мерзком. Стоит это узнать, подтвердится или нет. Надо будет допросить этого майора с помощником, думаю, они много интересного расскажут.

Он повернулся к зданию, поморщился и бросил через плечо:

– Пошли, Петро. Не хочется мне на это смотреть, но надо.

Следователи двинулись внутрь. Увиденное в холле показалось поначалу какими-то странными фресками и украшениями, только потом до вошедших дошло, что со стен и потолка свисают ошметки разорванных в клочья человеческих тел. Вниз до сих пор падали тяжелые капли крови. К горлу Пенкина подкатила тошнота, он с трудом удержался от рвоты. Судя по зеленому виду, и Саенко было сильно не по себе. Ничего подобного они действительно еще не видели, невзирая на весь свой огромный опыт работы в убойных отделах. Да о чем речь – не выдержали даже стальные желудки полицейских экспертов, и двое из них блевали в углу.

– Пойдем отсюда, Серега... – с трудом выдавил Петро. – Нечего нам тут делать...

– Ладно, – не стал спорить тот.

Выбравшись наружу, Саенко дрожащими пальцами добыл сигарету из пачки и нервно закурил, ходя туда-сюда и пытаясь что-то сказать, но, видимо, не мог. Пенкин попросил у одного из полицейских, возящихся с чем-то в машине, бутылку воды и жадно выхлебал половину.

– Поглядели? – криво усмехнулся Прятков.

– Да уж, поглядели... – поежился Сергей. – Чем он, интересно, их так?..

– Кто ж его знает, только среди наших слухи о демоне гулять пошли.

– И то может быть. Я сейчас уже ничего огульно отрицать не стану.

Несколько минут следователи приходили в себя от увиденного. Такого беловолосый действительно еще не устраивал, раньше он если и убивал, прорываясь к цели, то аккуратно, порой человек просто падал и умирал без всяких внешне заметных причин. Сейчас же возникало ощущение, что он был в дикой ярости.

– Ну что, пойдем допросим начальника охраны? – повернулся к коллеге Саенко.

– Он не начальник охраны, он начальник особого отряда охраны, в котором собрались только прошедшие горячие точки офицеры чином не менее лейтенанта, – вмешался Прятков. – Серьезный мужик, я вам скажу.

– Поглядим, – проворчал Пенкин. – Где он?

– А вон, в фургоне ждет вместе со своим замом.

Следователи попрощались со старым сыскарем и двинулись к фургону. Надо же, даже эту оборудованную по последнему слову техники машину сюда пригнали. Поднявшись по приставной лестнице, они вошли. Внутри огромного фургона находилась куча аппаратуры, возле которой возились три технаря. Сбоку на небольших стульях сидели два подтянутых человека, в избыточно правильной осанке которых наметанный глаз сразу уловил бы военную выправку. Один брюнет, второй блондин. У первого было жесткое лицо, синие внимательные глаза, лоб пересекали два кривых шрама, явно от осколков. Второй отличался от него только цветом волос и отсутствием шрамов, а так их можно было принять за родных братьев.

– Здравствуйте, – поздоровались сыщики. – Старший следователь ГУ МВД по Санкт-Петербургу, подполковник Саенко Петр Петрович. Следователь по особо важным делам, майор Пенкин Сергей Иванович.

– Добрый день! – встали сидевшие. – Алексеев Михаил Александрович, майор в запасе. Духов Виктор Романович, старший лейтенант в запасе.

– Садитесь! – махнул рукой Саенко, достал из кармана и включил диктофон. – Нам нужно задать вам несколько вопросов.

– Задавайте, – безразлично ответил майор. Судя по отсутствующему виду, он все еще переживал случившееся. Старлей просто молча кивнул.

– Для начала попрошу описать происшедшее с вашей точки зрения.

Алексеев немного подумал и приступил к рассказу. Следователи внимательно слушали его, отмечая кое-какие моменты в своих планшетах.

– Одну минуту! – прервал майора Сергей. – Вы говорите, что ваших людей беловолосый не трогал?

– Да, он же вначале вообще просил отойти, сказав, что я честный человек и оказался в этой клоаке случайно, даже назвал по имени-отчеству. Хотя откуда он мог меня знать – ума не приложу. На вопрос ответил, что знает всех. Напоследок сообщил, что существует некий высший закон, перед которым человеческий – ничто.

– Вы первый, с кем он вообще заговорил... – потер пальцем переносицу Пенкин. – Но продолжайте, продолжайте! И, пожалуйста, не забывайте о ваших личных впечатлениях.

– Хорошо, – кивнул Алексеев. – Это существо, назвать его человеком не могу, он нечто большее, показалось мне воплощением справедливости, воздаяния и еще чего-то, не могу даже сформулировать... Но это несущественно, это именно мои личные впечатления, не более. Главное, что он не трогал моих бойцов, не запачканных в делах Торидзе, только отбрасывал их с дороги.

– А как вы вообще попали на службу к этой сволочи? – не выдержал Саенко. – Мы давно мечтали его достать...

– После демобилизации знакомые присоветовали, – вздохнул майор, словно извиняясь. – Давайте не будем об этом, вспоминать тошно. Хорошо хоть быстро понял, куда влип, и четко оговорил обязанности: мы с ребятами занимаемся только охраной. А вот другие, чьи кишки сейчас с потолка свисают, те еще твари были. И вот их-то беловолосый как раз не жалел. Хотя и непонятно откуда узнавал, что за человек перед ним?

– Лучше бы вы к нам пошли, – укоризненно покачал головой Петр. – Денег поменьше, зато работа честная. И такие парни нам всегда нужны.

– Может, и зря не пошел, – опять вздохнул Алексеев. – Ну да что уж теперь. К тому же скоро опять на службу, надеюсь. Нормальную службу. Вот ребята из госпиталя выйдут, и пойдем.

– Значит, никто из ваших людей серьезно не пострадал? – еще раз переспросил Пенкин.

– Нет, максимум ушибы, даже ни одного перелома. Да, вот еще...

Майор на мгновение заколебался, словно сомневаясь, стоит ли говорить, но все же сказал:

– Когда беловолосый уже уходил, я спросил кто он. Он оглянулся, и у меня чуть волосы дыбом не встали, показалось, что он просканировал всю мою душу, до последней мысли и чувства. А потом сказал, что он тот, кого никто не ждет...

– Смерть, что ли? – растерянно посмотрел на коллегу Сергей.

– Нет, думаю, он палач, – подал голос старлей. – Наказывающий приговоренных.

– Кем приговоренных?! – вскинулся Саенко.

– А кто его знает...

* * *

Андрей резко открыл глаза и вытер со лба холодный пот, обнаружив себя стоящим у зеркала. Лицо было бледным, дышалось тяжело, мышцы так ныли, словно он только что пробежал несколько километров. Проклятье, опять непонятный провал в памяти! На часах уже пять пополудни, а ведь только что было девять утра! Да что же это такое, а?... Хоть бери, да иди сдаваться к психиатрам... Он схватился за голову и застонал, пытаясь сообразить, что же делать.

Эти провалы начались около трех недель назад, после дикой вспышки ярости после показанного по телевизору результата артонала украинских войск на одно из сел Донбасса. Вид трех убитых маленьких детей, которых неудачно пыталась закрыть собой старенькая бабушка, настолько взбесил Андрея, что в голове у него словно лопнула какая-то пленка. По крайней мере, так ему показалось. А потом потерял сознание, словно выключили. До этого случая он почти год не смотрел новостей, давно не веря в изменения к лучшему, и не мог объяснить своей реакции.

Украинских националистов Андрей не считал людьми с 2014-го года, с событий на майдане, когда увидел, как они заживо жгут беркутовцев, которые просто честно выполняли свой долг. Люди так не поступают, а тот, кто поступает, человеком быть перестает, и его нужно стереть с лица земли, как грязь. Впрочем, о своих взглядах Андрей не особо распространялся, но всегда считал, что каждый должен отвечать за свои поступки.

До украинского майдана он мало обращал внимания на политику, своих забот хватало – выпускной класс школы, армия, а затем болезнь и смерть матери. Но искривленные гнусные хари бандеровцев, швырявших через решетку коктейли Молотова, потрясли его своей бесчеловечностью. Это же звери какие-то! Они бросали бутылки в милиционеров, у которых не было другой защиты, кроме щитов. С первым же загоревшимся человеком в душе Андрея белой пеленой поднялся ледяной всепоглощающий гнев. Сейчас он думал, а что случилось бы, если бы пелена в голове лопнула тогда? Не начались бы эти пугающие его до смерти провалы в памяти еще в 2014-м? Вполне возможно. Со вздохом Андрей понял, что хочешь не хочешь, а придется преодолеть свое нежелание и сходить в поликлинику. Надо выяснить, что с ним происходит. Хоть бы только не что-то серьезное, не хочется умирать в двадцать два года. Может, врачи сумеют помочь...

Что же произошло после того, как он увидел на экране убитых детей? К сожалению, Андрей не помнил. Когда он пришел в себя, то ничего не изменилось, он все так же сидел перед телевизором, только прошло пять часов. Что он делал все это время, не знал, осталось, правда, ощущение чего-то неприятного, но необходимого. В конце концов он решил, что просто уснул – ведь последним, что помнил, был бубнящий телевизор.

Через три дня все повторилось, разве что Андрея не трясло, он чистил зубы, когда вдруг отключился. Пришел в себя в той же ванной, причем одетый в любимый осенний серый плащ, который зимой был совершенно неуместен. Попытки вспомнить, что происходило в течение семи часов, ни к чему не привели. Еще хорошо, что было воскресенье и не требовалось идти на занятия. Это настолько его перепугало, что он два дня не ходил в университет, не отвечал на звонки приятелей, не выходил в интернет, хотя раньше обычно часами сидел в «Контакте».

В среду Андрей все же выбрался на занятия и был удивлен вопросами, что он с собой сделал и как смог так быстро и качественно нарастить волосы – как выяснилось, они за это время отросли почти до лопаток и лежали ровной светлой гривой. Почему-то дома он не обращал на это внимания, словно носить длинные волосы было для него так же естественно, как и дышать. Но раньше он всегда предпочитал короткие стрижки! Кое-как отшутившись и отговорившись от любопытных, Андрей с трудом высидел занятия и ринулся домой, сходя с ума от непонимания.

С тех пор провалы в памяти случались регулярно, один за другим, притом стали ежедневными. Как ни странно, они бывали только тогда, когда он оставался один. Но общаться ни с кем, невзирая на это, Андрей не мог, одна мысль о том, чтобы выйти из дома, вызвала буквально тошноту. В итоге он почти не ходил на занятия и начал уже побаиваться отчисления – поступить на механико-математический факультет было очень непросто, да и удалось не с первого раза. Пришлось год отработать в одной фирме помощником системного администратора.

При мысли обратиться к врачам Андрея почему-то прошибал холодный пот, начинали трястись руки, и он раз за разом отбрасывал эту идею. Но с каждым днем все больше сходил

с ума, порой ощущая себя висящим в бесконечном белом пространстве. Надо было с кем-то посоветоваться, но с кем? Друзей у него было мало, и все они, так сложилось, жили не в Питере, а с приятелями можно было разве что пива попить да поболтать о футболе и книгах. По телефону говорить о таком он тоже не решился бы, только лично. Постоянной девушки у Андрея не было, не тянуло его на длительные отношения, поэтому подружек подыскивал таких, с которыми не жаль расставаться.

Он с трудом стащил с себя одежду, насквозь пропитанную потом, словно все это время таскал тяжелые мешки, и поспешил в душ, где принялся яростно натирать себя мочалкой, как будто стремясь содрать кожу, но при этом все время ощущал себе грязным. Из душа Андрей вышел только через час, выпил кофе и снова задумался. Что-то изменилось, он перестал бояться выйти из дома, и, мало того, сидеть одному было так тошно, что дух перехватывало. Немного подумав, Андрей позвонил сокурснику, отчаянному балагуру и шутнику Сереге Мухову, с которым всегда можно весело провести время. Тот был сыном какой-то питерской шишки, но при этом не распространялся об этом и совершенно не драл нос. Оставался своим в доску.

– Привет, Андрюх, – послышалось в динамике после нескольких длинных гудков. – Ты куда пропал? Тобой Квакоша интересовался. Просил передать, чтобы ты зашел на кафедру, как появишься.

Андрей хлопнул себя ладонью по лбу и застонал – Квакошей студенты прозвали куратора группы, Квачницкого Мирослава Сергеевича, довольно требовательного, хоть и мягкого человека. Песочить станет, причем тихо и вежливо, от чего еще стыднее будет...

– Так чего звонил-то? – спросил Сергей.

– Да дома сидеть тошно, – честно признался Андрей.

– О, отлично! – обрадовался приятель. – Мы с девчатами как раз искали четвертого. Маришка будет очень рада тебя видеть. А потом у тебя зависнуть можно будет? В общаге-то сам понимаешь, не фонтан, а ко мне никак, батя дома...

– Не проблема, – согласился Андрей.

Правда, Маришка была не лучшим вариантом, поскольку уже давно облизывалась на Андрея, как кошка на мясо, и не давала ему прохода. Внешностью Марину Стрельникову бог не обидел – красивое лицо, точеная фигурка, широкие и крутые бедра, большая грудь, зеленые ведьмовские шальные глаза и черные прямые волосы ниже лопаток. Разве что рот великоват. Но Андрей старался обходить красавицу по дуге, опасаясь ее матримониальных планов – ну не собирался он жениться до того, как встанет на ноги! А вдруг ребенок родится? Учебу же придется бросать! Тем более что Маришку он не любил. Да, с ней приятно было бы провести некоторое время, очень уж хороша собой, но без всяких обязательств. Тем более что по слухам девушка была весьма любвеобильна и охотно участвовала в групповухах. Правда это или нет Андрей не знал, но все равно предпочитал держать некую дистанцию. Впрочем, сегодня кто угодно сойдет, слишком гнусно на душе.

Он вообще был довольно нелюдимым и равнодушным человеком. Но это внешне, никто не подозревал о страстях, которые порой кипели в его душе. Больше всего на свете Андрей не терпел несправедливости, когда подонок оставался безнаказанным. И столкнувшись с таким, мог неделями кипеть от холодного гнева, застилающего глаза белой пеленой. При этом мышление становилось кристально-ясным, каким-то объемным, что ли. Казалось даже, что мысли текут несколькими потоками одновременно. Поняв эту свою особенность, Андрей старался, чтобы перед экзаменами его разозлили – подготовка облегчалась вдесятеро, память впитывала знания, словно губка.

– Где встречаемся?

– В новой «Африке», на Лиговке которая, сегодня там прикольный концерт.

Андрей согласился, это арт-кафе он любил – недорого, вкусно кормят и атмосфера приятная. Там собирались большей частью неформалы разного толка, среди которых ему, хоть сам он и не относил себя к таковым, почему-то было уютно. Они, по крайней мере, не говорили о деньгах – Андрею подобные разговоры были настолько неприятны, что вызывали тошноту. Ехать с Гражданки, где он жил, конечно, неблизко, но зато только на метро, что уже большой плюс.

Выходя, Андрей окинул взглядом свою однокомнатную квартиру и тяжело вздохнул, вспомнив умершую полтора года назад маму. Она долго болела – сердце, а однажды просто уснула и не проснулась. Бог оказался к ней милостив – легко ушла, не мучилась, как многие другие. Отца парень вообще не знал, мать избегала говорить о нем, однажды только сказала, что лучше бы его и вовсе не встречать. По ее словам, Андрей был на него невероятно похож, но только внешностью, отнюдь не характером.

Сунув в уши наушники от телефона, он поставил последний концерт «Грань-Куража» и быстро добежал до метро. Ехать пришлось с пересадкой, зато от метро до кафе было всего метров триста. Сергей с девчонками уже сидели в ближнем к выходу зале. Концерты шли в дальнем, при желании можно было пойти послушать. Зато здесь можно без помех поговорить.

– Привет! – бросил он, пожимая руку Сергею и целуя в щеку зардевшуюся Маришку.

Вторая девушка, на которую явно положил глаз приятель, симпатичная шатенка, оказалась незнакома. Она назвалась Викой. Андрей представился, потом сходил за меню и принялся выбирать, что будет пить и есть. Сегодня хотелось напиться, впервые за много месяцев – спиртное он почти не употреблял. Ну, раз хочется, то почему бы и нет? Сбегав к стойке, взял для затравки пива и вкуснейшие чебуреки с мясом и сыром – такие подавали только здесь.

– Андрюш, что с тобой? – поинтересовалась Маришка, встревоженно глядя на сокурсника. – На тебе лица нет! Похудел, побледнел, осунулся...

– Да так, – отмахнулся он. – Не обращай внимания.

– И на занятия почти не ходишь...

– Не до них мне сейчас.

– Давай, колись, что за проблемы! – хлопнул друга по плечу Сергей.

– Провалы в памяти, – вздохнул Андрей, которому нестерпимо хотелось обсудить хоть с кем-нибудь творящееся с ним. – Часов по пять-шесть. Причем что я в это время делал – понятия не имею! Открываю глаза на том же месте, где был, только время не то.

– Ни фиги себе! – изумился сокурсник.

– А к врачам обращался? – сочувственно поинтересовалась Маришка, захлопав зелеными глазищами.

– Нет, – мотнул головой он. – Ощущаю – нельзя мне к ним. Объяснить не могу, но чувствую.

– А к... э-э-э... магам? – вмешалась Вика.

– А они существуют? – иронично поинтересовался Сергей, не веривший ни в какую мистику.

– Ну, человеческие способности не ограничиваются всем известными, – уклончиво ответила девушка. – Я своими глазами кое-что видела, поэтому могу допустить, что необычное все же есть.

– Не будем обо мне, – решил закрыть обсуждение Андрей. – Я вот, блин, сегодня телик посмотрел, снова про Украину говорят. Совсем там люди озверели...

– Да уж, укропитеки в своем репертуаре, – хмыкнул Сергей. – Скоты, больше слов нет. Правда, мозги им там хорошо промывают...

– У них же революция! – возмутилась Вика.

– Я бы не назвал это революцией. – Андрей пожал плечами. – Может, в в 14-м году на майдане и были прекраснотушные идиоты, стоявшие за все хорошее, вот только потом ими вос-

пользовались откровенные подонки. И еще хуже – нацисты, бандеровская шваль. Чем можно оправдать войну с собственным народом на Донбассе? А ведь люди всего лишь хотели говорить на родном русском языке и чтобы им не навязывали «мову». И за это их начали убивать? Нет уж, твари, это устроившие, должны заплатить за сделанное, причем заплатить страшно.

Немного помолчав, он решил сменить тему, ощутив отголоски нарождающегося гнева. Поэтому спросил:

– Да и что хорошего в революции? Что? Когда хоть одна революция приводила к чему-то хорошему?

– Ну, после Октябрьской Советский Союз образовался...

– Если бы не Сталин, который пламенных «революционеров» потом к ногтю взял и стал, по сути, императором, то ни о каком Союзе и речи бы не шло! Пойми, протестами недовольных всегда пользуются ради своих целей враги страны. Всегда!

Андрей залпом допил пиво, закусив чебуреком. Потом, по недолгому размышлению, все же заказал графинчик водки и стейк с картошкой «Айдахо». Раз уж решил сегодня выпить, то можно и потратиться немного, хоть денег и маловато. Надо поискать новый заказ на сайт, вроде были желающие. Сайты Андрея ценились и стоили дорого, он отличался нестандартным мышлением, и компании, желающие выделиться, за это охотно платили. И немало. Один заказ обеспечивал полгода безбедной жизни, как минимум.

– Ну, мне кажется, ты не совсем прав... – протянула Вика.

– У каждого своя точка зрения, – пожал плечами Андрей. – Я – имперец. Был, есть и буду. И никакие доказательства не принудят меня отойти от этого хотя бы потому, что только империя, великая империя сможет вывести людей в большой космос. При этом империя должна быть социалистической, как ни странно это звучит, – люди должны иметь социальные гарантии. А страна, в которой все измеряется только выгодой, по-настоящему в космос никогда не выйдет, поскольку это требует слишком много не приносящих немедленной прибыли затрат. Куда больше средств тратится на новые духи и кремы, чем на исследования!

– Ну, это тоже нужно... – томно протянула Маришка. – Это я тебе как женщина говорю.

– Нужно. Но всему есть предел. Это всего лишь приятные пустячки, тогда как исследования космоса жизненно важны для выживания всей расы. Нам нужно распространиться хотя бы по нескольким планетам, иначе вид homo sapiens в результате любой катастрофы может исчезнуть.

– Но монархия – это же устарело!.. – В глазах красавицы светился огонек интереса, она явно получала от спора удовольствие.

– Да кто тебе такое сказал? – насмешливо приподнял бровь Андрей. – При монархии, если монарх, конечно, толковый, страна развивается значительно быстрее и лучше. Да и вообще эти две формы правления – два разных пути развития цивилизации. При монархии правит одно лицо, а не стая шакалов, тянущих одеяло каждый в свою сторону, как при демократии. Причем учти, что никто, кроме шакалов, при демократии к власти прийти не может. Случаются редкие исключения, но это именно исключения – нашего президента хоть взять, но он больше царь, чем президент, и это очень хорошо. Это надежда для нашей страны снова встать, а потом и взлететь. Сравни то, что было при Ельцине, и то, что сейчас. Разница огромная.

Он выпил стопку водки, закусил и продолжил:

– Смотри, как только приходит демократия, начинается развращение народа. Неужели главное – это права гомиков, лесби и прочих им подобных?.. Нет, это всего лишь инструмент воздействия на людей – для шакалов у власти важно другое: пусть народ будет занят этими вопросами и не лезет в их дела. Никогда ни один политик не выполнил своих обещаний просто потому, что все их обещания – ложь. А самое главное, как мне кажется, – это то, что временщики просто не способны выстроить долгосрочную стратегию развития государства. Им не до

того, успеть бы карманы себе набить. Они не могут мыслить категориями десятилетий, тогда как монарх – может и должен.

– Не слишком понятно, – пристально посмотрела на Андрея Вика. Не вижу преимуществ монархии.

– Хорошо, попробую сформулировать преимущества более внятно, – немного подумав, произнес он. – По пунктам. Итак, первое: скорость принятия решений при монархии в экстремальной ситуации превышает таковую при демократии в разы – в республике слишком много вопросов придется согласовывать, причем никто из чиновников не желает брать на себя ответственность и максимально затягивает принятие решений. Тогда как монарх принимает решение единолично и несет за него всю полноту ответственности. Второе: возможность выработки долгосрочной, на десятилетия вперед стратегии развития страны. Третье: возможность быстрого выдвижения на ответственные посты талантливых и честных людей, а не тех, кто наиболее подл и беспринципен. При демократии наверх выбираются только такие, а если каким-то чудом происходит иначе, то белых ворон быстро съедают «группы товарищей». И они либо становятся такими, как все, либо уничтожаются. Четвертое: народ выбирает тех, кто ему понятен, тех, кто пообещает средства на развитие личных огородиков, а не тех, кто станет развивать ту же космическую отрасль. Пятое: при монархии в развитие фундаментальной науки и в культуру вкладываются огромные средства, тогда как при демократии развивается только прикладная наука, способная принести выгоду в ближайшем будущем. Культура вообще брошена на произвол судьбы и выживает, как может. В итоге наверх выбиваются чаще всего бездари. Пример: возьмите нашу музыкальную попсу и популярную литературу, детективы там всякие и прочую мерзость. При этом талантливые книги если и выходят, то мизерными тиражами. О настоящей музыке я даже не говорю – чтобы записать альбом, ребята вынуждены собирать деньги, и не всем это удается. И, наконец, шестое: монарху и так принадлежит все, ему не нужно воровать у самого себя, он стремится оставить детям богатую и сильную страну.

– Сумбурно объясняешь, дружище! – хлопнул сокурсника по плечу Сергей, отчего тот дернулся: никогда не любил чужих прикосновений и позволял их только женщинам.

– Во многом ты прав, конечно. – С лица Маришки на мгновение спала маска шалавы, которую она предпочитала носить почти постоянно. – Но представь, что принц вырастет убогим ничтожеством, способным погубить все, чего достигли предки. Такое в истории не раз случилось...

– Да, преувеличенность – основная проблема, – вздохнул Андрей. – Нужны предохраняющие механизмы на такой случай. Или...

– Или монархия должна быть не наследственной, – опередила его девушка.

А она совсем не глупа! Только зачем-то мастерски притворяется душой. Мужики же видят только роскошное тело, пускают слюни и не замечают ничего другого. Зря, многое теряют. К сожалению, ему самому она тоже не слишком нужна, как, впрочем, и любая другая – не интересовали Андрея все эти женско-мужские игры, абсолютно не интересовали. Куда более интересен путь души человеческой. Вверх или вниз, это уж как кто выберет.

– Именно так, – подтвердил он. – Впрочем, главное, чтобы страна была реальной империей, которой являлся Советский Союз. А уж как там называется правитель – не слишком важно. Хоть президентом, хоть императором, хоть главным шляпником. Да, монархия предпочтительнее, причины я уже назвал. Лишь бы не демократия, которую скорее можно назвать дерьмократией, поскольку при ней наверх всплывает в основном упомянутое вещество.

– Это так, вот у нас на первый взгляд все нормально... – махнул рукой Сергей. – Но только на первый. Да, во внешней политике мы наконец-то начали хоть как-то стоять за себя. А внутри... Каждый только набивает себе карман. Чем заняты те, кто должен соблюдать законы? Да все тем же – рвачеством! А потом делают благостные мины и гонят по телику про законность и борьбу с коррупцией. Тьфу! Противно!

– Мне тоже... – нахмурился Андрей. – Я ведь было поверил, что кое-что в нашей стране начало меняться к лучшему. По крайней мере, снова начали выделяться немалые деньги на науку, космос, армию. Строиться заводы. Но за последние годы эта вера ушла...

– Почему?

– А потому, что я хорошо помню слова президента, сказанные, когда встал против фашистов Донбасс: «Русские своих не бросают!». А что на деле вышло? Бросили... Мне больно каждый раз, когда сообщают об очередных зверствах укров, о погибших женщинах и детях... В 14-м году огромный всплеск патриотизма был, особенно после Крыма, и что? Все сошло на нет, власть имущие, наверное, испугались, когда народ снова ощутил себя великим, и постарались все сгладить...

– Нельзя нам было тогда вводить войска на Украину, никак нельзя, – скривился Сергей. – Это даже я понимаю. Ввод войск означал бы войну с НАТО, а у нас перевооружение армии не закончено, да и не хочется ядерки...

– Умом я тоже все понимаю... – грустно сказал Андрей. – А вот в душе ощущение предательства.

– Думаешь, у меня не так? – невесело усмехнулся приятель. – Но нельзя в политике на чувства опираться, раздавят. Нам главное свою страну как-то удержать, а соседи... Ну что соседи? Им помогают, как могут, сам знаешь, сколько туда гуманитарных конвоев ушло. Думаю, если по всей Украине народ встанет, то и войсками помогут. Но не раньше.

– Наверное, ты прав. Только все равно тошно. К тому же ты сам говорил, что те, кто должен думать о стране, думают только о собственном кармане.

– Увы и ах. Но есть только то, что есть. Будем реалистами.

– Мне весь этот мир неправильным, искаженным кажется... – очень тихо сказала Вика. – Скоты преуспевают, чем гаже, подлее и мерзее человечешко, тем лучше он живет...

– Точно, – согласился Сергей. – Читывал я как-то про закон Воздаяния. Брехня. Не работает этот закон! Ни одному козлу по заслугам не прилетело!

– Ничего, скоро заработает... – Андрей и сам не понял, почему это сказал, слова вырвались из самой глубины души.

– Откуда ты взял? – изумился сокурсник.

– Не знаю, кажется мне так, ощущение подсознательное, – увильнул Андрей, сам себе удивляясь. – Слухи вот ходят, что у нас в Питере кто-то олигархов наказывает.

– Да хрень это собачья! – раздраженно махнул рукой Сергей. – Между собой разбираются, бандюки поганые!

Почему-то Андрея эти слова возмутили, но он сдержался, решив, что не хватало еще ссориться с приятелем по пустякам.

– Ну их всех, этих долбанных хозяев жизни! – отмахнулась Вика и продолжила развивать свою мысль. – Они создали мир под себя, мир, где ценятся только самые отвратительные человеческие качества. Они возвели в ранг добродетели подлость и изворотливость вместо честности и доброты. А теперь пытаются убедить нас, что так и должно быть! Многих убедили, к сожалению. Сколько я знаю хороших раньше ребят, которые со временем только о деньгах стали думать и превратились в такое...

Девушка поморщилась.

– Ты права, – поддержала ее Маришка. – Справедливости простому человеку, если у него денег немного, не найти в принципе. Приятель у меня сел, а не виноват был – подставили, чтобы обелить сынка одной сволочи высокопоставленной. Куда только ни писали с просьбой разобраться, доказательства приводили – в ответ отписки. У них круговая порука. А простой народ держат в состоянии, чтобы только с голоду не передохли. И ради этого мизера людям приходится пахать, как ломовой лошади. Мы-то пока студенты, на деньги родителей живем, разве что ты сам зарабатываешь, нас это не касается, но все равно...

Сергей хохотнул и добавил:

– Вот так-то, Андрюха. Хорошо хоть у нас начали поднимать армию, что-то вкладывать внутри страны, даже науку развивать. А знаешь, почему? Да потому, что на западе нашим «хозяевам жизни» показали: сколько бы у них денег ни было, их место возле параша. Им это четко дали понять. И наша драгоценная «элита» обиделась. Я же сам из этих кругов, я всю эту кухню изнутри вижу, прости уж. Знаю, о чем говорю.

– А президент?

– Ну, президент из спецслужб, это накладывает свой отпечаток. Он, думаю, лучше прочих, но погляди на его окружение. Те же самые скоты финансами вертят, что и раньше, так что... выводы делай сам. Не дурак, как будто.

– Ты прав... – Андрей раздраженно потер виски. – Как хочется надеяться, что наша страна снова станет сильной, снова станет Империей, но понимаю, что этого не случится, пока наверху либералы...

– Хочется... – мечтательно протянула Маришка. – Империя... Но это невозможно, эти твари не допустят, да и признаки уж больно нехорошие. Ювенальная юстиция, предназначенная для выращивания из детей подлецов-эгоистов, способных родную мать продать органам или даже на органы. Реформа образования, сводящая это самое образование на нет. Провинции в разрухе, производство уничтожено – да у нас даже молотки китайские! А советское время вспомни? Все свое было. Все, от гвоздей до самолетов! Да, президент как будто начал восстанавливать кое-что, начинает работать импортозамещение, снова свои самолеты строят. Но пока в загоне станкостроение, нам не подняться. Но позволят ли нам его снова поднять? Ведь возрождение России слишком многим невыгодно...

Она потянулась всем своим великолепным телом и стрельнула глазами по сторонам, улыбнувшись и кивнув какому-то знакомому. Кажется, Макс, бывшему мужу хозяйки кафе.

– Мы можем только надеяться, – вздохнул Андрей.

– Надежды юношей питают, отраду старцам придают... – с насмешливым прищуром посмотрела на него Вика. – А что делать с тем, что все вокруг насквозь прогнило?.. Сами люди прогнили. Никто никому не поможет просто так! Все ищут какую-то свою выгоду. И смотрят на это, словно так и надо. У всех одна отговорка: «Моя хата с краю или меня не трогают, и ладно». А если кто попробует сопротивляться людоедской системе, то его быстро сжирают. И никто не вступается! Так что... – девушка обреченно махнула рукой. – Не верю я уже ни во что и никому. Каждый только за себя. Как ни жаль, но это так.

– Не во всем, но согласен, – вынужден был признать Андрей. – Нам навязали эту скотскую модель. Не нашу. Чужую. Русский народ еще сопротивляется, но уже вяло... Одного не пойму, ведь должны же те, кто такое навязывает, осознавать, что это гибель для всего человечества? Почему не осознают? Почему продолжают насаждать волчьи законы?..

– Да откуда нам знать, чего они добиваются? – пожал плечами Сергей и выпил стопку. – Они по каким-то своим законам и понятиям живут. Скоты, одним словом.

– Не все так просто. Есть люди с масштабным мышлением, умеющие мыслить категориями народов и цивилизаций, а не своих мелких потребностей. И только такие должны быть у власти. Если же это не так, то эгоисты, способные думать только о своей сиюминутной выгоде, погубят все, до чего дотянутся. Просто потому, что не могут видеть дальние последствия своих действий.

– Это как раз ты упрощаешь! И хватит о политике уже, достала.

– Погоди минуту, – поднял ладонь Андрей. – Что все-таки думаешь по поводу нынешней Украины?

– А что тут думать? Все как всегда. Стремлением к справедливости дурачков, считающих, что ее в нашем мире возможно добиться, воспользовались скоты, чтобы достичь каких-то своих целей. Все стало понятно после того, как западные политики вереницей потянулись

на майдан. А война с Донбассом? Нет же, эти идиоты верят, что запад хочет им помочь! Нет, ну надо же? Как можно верить в такое?! А головой подумать, не задницей? Нет, они прыгают и орут, что не москали. Призывают нас убивать. Мы у них виноваты в любой их беде и проблеме, не их дурость, а мы! Ну так флаг им руки и барабан на шею! У них, думаю, скоро такое начнется, что никому мало не покажется. Экономика настолько рухнула, что голода долго ждать не придется. И по заслугам! Нечего было на поводу у нацистов идти.

– Полностью с тобой согласен. И действительно, хватит о политике.

– Вот именно, – широко улыбнулась Маришка. – Я вот недавно такую книгу прочла...

И разговор пошел о музыке, литературе, ролевом движении и байкерах, прыгая по разным темам. Ребята понемногу выпивали, девчонки не отставали, хоть и пили вино. Чем дальше, тем больше веселье набирало обороты. Встретились знакомые, подсели к их столу. В это время начался концерт раньше не слышанной Андреем, в основном предпочитавшим старый русский рок и русский же пауэр-металл, группы «Драконь», певшей большей частью пиратские песни – на удивление душевно певшей. В общем, вечер можно было назвать удавшимся, все тревоги забылись.

Когда «Африка» закрылась, народ решил продолжить и, прикупив в баре несколько бутылок водки и вина, двинулся на двух пойманных на улице такси к Андрею домой. Он отметил, что их уже не четверо, а восьмеро – к компании присоединились Сашка Голиков по прозвищу Пьяный Троль с тремя девушками, которых Андрей шапочно знал, несколько раз пересекался в той же «Африке» и других арт-кафе.

Только оказавшись дома, он задумался, где будет укладывать столько народу – квартира-то однокомнатная. Впрочем, вопрос решился просто – Сергей перепил, и его уложили на кухне в спальном мешке. Там же расположились на матрасе Троль с двумя подружками.

Пока хозяин квартиры занимался устройством гостей, в комнате три девушки с некоторой неловкостью поглядывали друг на друга. Они все буквально сходили с ума от желания, словно им подлили возбуждающего. Маришка вообще пребывала в полном недоумении – Андрей ей всегда нравился, и сильно, но чтобы такое?.. В затаенных поволокой глазах Вики и оставшейся с ними девчонки из компании Троля, кажется, Вали, коротко стриженной художавой блондинки с тонкой талией и грубоватым лицом, она видела то же самое, всех трех чуть ли не трясло. Казалось, от Андрея исходят некие флюиды силы, заставляющие девушек сходить с ума.

– Странный он... – заметила Вика.

– Андрюха-то? – усмехнулась Маришка. – А то! На девчат вообще внимания не обращает, пока не припечет, после этого легко кадрит какую-нибудь, а потом аккуратно посылает. Скользкий, зараза! Ни с одной больше пары-тройки раз не встречался. И ни одна в обиде не осталась!

– Та ну, девки! – Валя положила руки себе на пах. – Я сейчас лопну, так трахаться охота! Так что давайте вместе его оприходуем.

– Да стыдно это как-то... – покраснела нервно ерзающая Вика.

– А чего стыдиться-то? Хочется? Хочется!

– Мариш, ты не против?.. – голос Вики подрагивал. – Ты ж на него вроде глаз положила...

– Не против, – усмехнулась она. – Ты же меня знаешь, я такие вещи люблю...

Сам Андрей, вернувшись в комнату с тарелкой очищенных мандаринов, обнаружил, что остался наедине с тремя девушками, и его это несколько смутило. Особенно их голодные взгляды.

– Чего тушуешься? – затянувшись сигаретой, хриповато спросила Валя, пристально глядя на парня. – Много баб – не мало.

Она со смешком встала с пола, где удобно расположилась на диванных подушках, затушила сигарету и стащила с себя джинсы вместе с трусами, приглашающе махнув Маришке

с Викой. Те на мгновение замешкались, но, пьяно захихикав, последовали примеру. Андрей отметил, что девчата явно перебрали, на Вику, если исходить из ее прежнего поведения, такое совсем непохоже. Маришка?.. Тоже как будто раньше ничего подобного не устраивала. Валю же он толком не знал.

Андрей понятия не имел, что девушки, все три, в глубине души находятся в полной растерянности, не понимая, почему их вдруг так потянуло к этому, несомненно симпатичному, но сумрачному парню. Казалось, от него исходит нечто невидимое, заставляющее забыть обо всем и ринуться в его объятия. Они задыхались и с каждым мгновением все больше теряли над собой контроль. Все затмевало накатывающееся безумное желание.

Про случившееся этой ночью Андрей не раз потом вспоминал с некоторым стыдом, но одновременно с сожалением, что такое бывает очень редко. Возможно, вообще раз в жизни.

2

– Ну что, Петро, какие новости? – поздоровавшись, поинтересовался Пенкин.

– Никаких, – хмуро ответил тот. – Допросили выживших охранников, все то же самое говорят – сволочей беловолосый давил, а нормальных людей не трогал, только убирал с дороги. Одно ценное – наш мститель в кровь вляпался и случайно ладонью об стену оперся. Есть его отпечатки.

– Ты не шутишь?! – чуть не подпрыгнул Сергей. – Отпечатки беловолосого?! Точно?!

– Ага, – довольно кивнул Петр. – Видеозапись подтверждает, что именно его. Их сняли и сейчас по всем архивам шерстят.

– Не думаю, что найдут.

– Все может быть.

– Если он хоть где-то засветился раньше, то найдем, – подал голос капитан ФСБ Николай Головатов, вчера вечером приписанный к их группе. Невысокий, неприметный, лысоватый, с очень неприятным голосом и колющим взглядом серых глаз. Но оперативник неплохой, что оба следователя уже успели оценить – мыслил эфесбешник нестандартно.

В этот момент у него зазвонил телефон. Головатов достал шикарный «Айфон» последней модели и ответил. Выслушав сказанное, он мгновенно сделался похожим на вставшего на след борзого пса.

– Что там? – насторожился Пенкин.

– Есть! – выдохнул эфесбешник. – Нашли! Отпечатки принадлежат некому Белозерцеву Андрею Михайловичу, 1996 года рождения, отслужившему два года назад в армии. Отсюда и отпечатки. Студент питерского государственного университета, механико-математический факультет. Вскоре наши всю доступную информацию по нему сюда на компы скинут. И начнут рыть, всю его подноготную выколют, они ребята цепкие.

– Вот это станем мы ждать без толку, – фыркнул Саенко. – Да я изведусь тут весь! Поехали лучше в университет, допросим, пока суть да дело, его сокурсников и преподавателей.

– Хорошо, я только контору предупрежу, чтобы не ставить друг другу палки в колеса, одно дело делаем, – кивнул Головатов и снова достал телефон.

После недолгих переговоров следователи покинули кабинет, отдав секретарю распоряжение пришедшие данные без промедления перебрасывать на их рабочие планшеты, к которым еще толком не привыкли, получив их только полгода назад. Они ссыпались по лестнице вниз, глаза всех троих горели энтузиазмом – впервые с начала этого странного дела появился реальный след. Хотя, конечно, непонятно, какое отношение к беловолосому мог иметь обычный студент, но выяснить это было необходимо.

Привычный микроавтобус домчался до университета довольно быстро, благо пробок почти не было. Следователи поспешили подняться в здание, нашли кафедру информационно-аналитических систем и... никого там не обнаружили. Пришлось идти в деканат, где им сообщили, что студент Белозерцев Андрей уже две недели не появлялся на занятиях. Хочешь не хочешь, а пришлось дожидаться окончания лекции.

– Квачницкий, Мирослав Сергеевич? – Саенко узнал по описанию куратора группы, где учился искомый студент.

– Да, – остановился среднего роста пожилой человек в круглых очках и небрежно выглаженном костюме. – Что вам угодно?

– Следственный Комитет РФ, ФСБ, – предъявили ему свои удостоверения следователи. – Нам необходимо поговорить. Не беспокойтесь, вас ни в чем не обвиняют, требуются только ответы на несколько вопросов по поводу одного из ваших студентов.

– Хорошо... – с недоумением посмотрел на них Мирослав Сергеевич, лихорадочно пытаюсь понять, кто из его ребят мог заинтересовать такие инстанции. – Пройдемте в свободную аудиторию, у меня как раз нет следующей пары.

Покосившись на удивленных коллег, он повел следователей за собой. Действительно, аудитория рядом с кафедрой оказалась пустой. Мирослав Сергеевич по привычке сел за преподавательский стол, а Саенко, Пенкин и Головатов напротив.

– Так кто из мальчиков вас интересует? – не выдержал напряженного молчания куратор.

– Белозерцев Андрей, – тяжело уронил эфесбешник.

– Андрюша хороший мальчик, – растерянно замигал Мирослав Сергеевич. – Никогда ничего плохого за ним не замечал. Немного замкнутый, но это бывает...

– Погодите минуту, – поднял ладонь Сергей. – Давайте по порядку. Мы и его пока ни в чем не обвиняем.

Переглянувшись с коллегами, он достал фото беловолосого, снятое с одной из записей камер слежения, и протянул куратору.

– Это он?

– Э-э-э... – протянул тот, вертя в руках фотографию. – Похож, но я не уверен, у Андрюши короткие волосы, да и бледностью такой он никогда не отличался. Очки тоже не носит. Но... похож... Лицо... Его ли?.. Не знаю. А этот... Он что, лицо гримом намазал?

– Неважно, – раздраженно отмахнулся Головатов. – Так это Белозерцев или нет?

– Точно сказать не могу, – голос Мирослава Сергеевича стал жестким. – Похож на Андрюшу, но однозначно, он это или нет, я не скажу.

– Хорошо, – вздохнул Пенкин. – Что вы вообще можете рассказать о данном студенте? Каков он по характеру? С кем общается?

– Андрей довольно замкнутый и малообщительный человек, – неохотно произнес куратор. – Причин не знаю. Возможно, он стал таким после смерти матери – она умерла перед самым его поступлением в университет, насколько мне известно. Поступал парнишка после армии, где служил – понятия не имею. С сокурсниками отношения ровные, в помощи не отказывает. Учится хорошо, математику любит и понимает.

По возмущенному виду куратора было ясно, что каждое слово из него придется выдавливать, он станет защищать своего студента до последнего.

– Мирослав Сергеевич, поймите, мы ни в чем пока не обвиняем Белозерцева, – вздохнул Саенко. – Произошло убийство, и не одно. Ваш студент, скорее всего, был свидетелем этого. Никто ничего плохого ему не хочет.

– Вот и поговорите с ним самим! – отрезал куратор. – Я-то тут причем?

– Мы просим вас всего лишь дать характеристику Белозерцева, высказать свое мнение о нем, как о человеке. Скажите, с кем из студентов он общается?

– Близких друзей на курсе, насколько мне известно, у Андрюши нет, – немного успокоился Мирослав Сергеевич. – Приятельствует с многими, но больше с Сергеем Муховым и его компанией. Мариной Стрельниковой, Анастасией Соевой, Михаилом Долмаровым и Александром Ващенко. Еще кое с кем, как будто, но я не уверен.

– А кто-то из них сегодня на занятиях? – поинтересовался Саенко, аккуратно занеся имена студентов в отдельный файл на планшете.

– Нет, – отрицательно покачал головой куратор.

– Ясно, спасибо, – вздохнул Пенкин. – Где можно получить адреса и телефоны Белозерцева и его друзей?

– В деканате. Всего доброго!

Следователи переглянулись – обычная реакция для интеллигента, затем еще раз поблагодарили, попрощались и покинули аудиторию. Мирослав Сергеевич проводил их недобрым взглядом и достал из кармана записную книжку, в которой хранил номера телефонов всех

своих студентов. Надо позвонить Андрею и предупредить, что им интересовались органы – органам куратор никогда не доверял, но причины этого назвать бы не смог. Не доверял – и все. Однако трубку никто не поднял...

– Ну что дальше? – спросил Саенко, когда следователи вернулись в микроавтобус, получив все требуемое в деканате.

Разговор прервал писк планшетов, сигнализировавших о поступлении нового сообщения. Следователи тут же достали их и обнаружили, что поступила информация от ФСБ по поводу Андрея Белозерцева.

– О, это уже что-то! – возбужденно заявил Пенкин, начав читать.

– Сомневаюсь, что наши за такое время смогли накопать что-нибудь большее, чем официальное армейское досье, – досадливо сказал Головатов. – Но вы правы – и то хлеб.

– Очень интересно! – постучал по экрану планшета Саенко. – Отец парня неизвестен, мать его имя и фамилию не сообщила, дав ребенку свою фамилию и произвольное отчество. В графе отец – прочерк.

– При этом на мать Белозерцев абсолютно не похож, – добавил Пенкин. – В молодости, судя по фотографии, она была довольно симпатична, но простовата. А вот сын – аристократ голубых кровей по виду. Видимо, в неизвестного отца пошел.

– Учился в школе № 96 на Черкасова, 15, – продолжил озвучивать информацию Головатов. – Знаю я эту школу, это на Гражданке. Совсем рядом с метро. Надо будет поговорить с учителями. Отправьте стажера, пусть делом займется, вместо того чтобы болтаться по кабинетам. Куда интереснее служба Белозерцева в армии. Надо же, в/ч 116/2. Она расположена под Саратовом, наш спецназ, потому мне и знакома.

Он немного помолчал, стуча пальцами по колену, затем буркнул:

– Если официальный запрос подать, то Васька, хитрован чертов, кучу пустых словес в ответ пришлет, но ничего конкретного не скажет...

– Васька?.. – недоуменно посмотрели на него остальные двое.

– Командир в/ч 116/2, подполковник Василий Хмелин, мой старый приятель, – пояснил эфесбешник. – Позвоню-ка я ему...

Достав мобильник, он быстро нашел какой-то номер в списке контактов и нажал на кнопку связи. Некоторое время ничего не происходило, а затем Головатов оживился и бросил:

– Привет, Васян! Что, не узнал? Ну, богатым буду! Да-да, Николай! Как жизнь молодая?

Он отнял телефон от уха и включил громкую связь.

– Да какая молодая! – донеслось из динамика. – Мы тут не в кабинетах сидим, а солдатиков на полигонах гоняем. Чего хотел-то?

– Да я летом, наверное, буду в ваших краях.

– Заезжай, шашлычку сожрем под беленькую, в баньке попаримся.

– Заеду-заеду, – пообещал Головатов. – Слушай, можешь выручить по старой дружбе?

– А чего надо-то? – осторожно поинтересовался Хмелин.

– Да мы тут на одного твоего бывшего солдата инфу роем, хотелось бы знать, что он за человек и чего от него ждать. Гарантирую, что официально твое имя нигде даже не промелькнет!

– Жучара ты... – посетовал подполковник. – Вот знал, что не просто так звонишь. Кто тебя интересует? Я могу и не помнить, солдатиков в части много.

– Белозерцев Андрей, – сообщил Головатов.

– А, этот... – протянул Хмелин. – Вляпался все-таки, правдолюб недоделанный. Ну, этого стоило ожидать.

– А подробнее?..

– Что тут рассказывать? Не желал он ни под кого гнуться, хоть ты тресни. Ни под дедов, хоть избивали сильно, ни под офицеров, если что-то не по уставу хотели. Нет бы по-человече-

ски помочь, когда просят, все жаловаться норовил. Четыре комиссии из-за его писулек приезжали! Причем флегматичный вроде парень, но все, что считал несправедливостью, в штыки принимал, не понимая, что против системы переть не надо. Когда его призыв дедушками стал, он начал своим же мешать духов строить. В общем, пер против всех, за что и получал. Я, если честно, когда он дембельнулся, перекрестился – слишком много проблем от одного двадцатилетнего пацана было. А что он натворил-то?

– Пока неясно, – неохотно ответил Головатов. – Может, и не связан он со всем этим, но...

– Погоди, уж не о грохнутых ли олигархах ты говоришь? – В голосе Хмелина появилось уважительное опасение. – Неужто правдолюб в этом отметился?..

Лицо эфесбешника перекошилось от досады: забыл, насколько догадлив и умен его старый приятель. И всегда нос по ветру держит.

– Да нет, – поспешил сказать он. – Свидетель он по одному делу.

– Ну да, свидетель, – хохотнул подполковник. – Не держи меня за лоха. Не стала бы контора инфу по нему искать, если б он свидетелем был. Нужен парень вам, похоже, сильно. Могу только посоветовать искать через кого-то из его близких – он всегда велся на их защиту, чтобы защитить приятеля своего один на толпу лез.

– Приятеля? – насторожились следователи.

– Ага, Владилена Шнайдера, – подтвердил Хмелин. – Из Казани он, немец, кстати, а не еврей. Как такой хлюпик к нам попал, ума не приложу. К концу службы, правда, накачался, вполне нормальным бойцом стал, но в первое время смотреть противно было, как он сосиской на турнике болтается. Его все задевали, а Белозерцев защищать кидался, что тот лев. Потом все время вместе ходили, а через пару месяцев к их компании и третий прибил, тот вообще с Дальнего Востока, из поселка Восточный недалеко от Тынды. Афанасий Непыйвода. Такой медведь! И что он в этих двоих нашел? Никто не понимал, а Афоня только ворчал в ответ на вопросы – говорить очень не любил. Вот он когда ушел – я пожалел, лучшего сержанта не найти, к любому придурку подход находил. Еще и снайпер от бога. Уговаривал остаться на контрактную – не захотел. Дед, мол, у него старый, надо помогать.

– Значит, Шнайдера и Непыйводу можно назвать друзьями Белозерцева? – подался вперед Головатов.

– Вполне, – немного подумав, ответил подполковник. – Они, кажется, перед дембелем даже побратались. Но точно не знаю. Колоритные были пацаны, вот и запомнил их, других давно уж не помню.

Немного помолчав, он спросил:

– Еще что-нибудь?

– Нет, – ответил Головатов. – Летом жди, наведаясь. Угря финского привезу, вкусный, зараза. Спасибо!

– Да не за что. А угря тащи, люблю его под пиво!

С этими словами подполковник Хмелин отключился.

– Ну, это уже кое-что... – потер руки Пенкин. – Теперь понятно, почему у парня нет близких друзей в университете – армейские остались, они обычно ближе прочих.

– А в детстве почему не было? – возразил Саенко. – Не спеши с выводами, Серега, информации пока мало. Да и неизвестно, замешан ли в нашем деле этот самый Белозерцев.

– Откуда тогда его отпечатки на том месте, где беловолосый задел окровавленной рукой стену? – ехидно поинтересовался Головатов. – Нет, как-то он по со всем этим связан. И нам надо понять – как. Начальство с ума сходит, причем больше всего напугало наличие папочек с компроматом.

– Но брать его пока нельзя, – задумчиво констатировал Пенкин. – Сначала нужно выяснить все, что только возможно.

– Это если сверху не пожелают заполучить все сразу, – вздохнул эфсбешник. – Вы, наверное, не в курсе, какая среди них сейчас паника. Каждый, у кого рыльце в пушку, трясется, как припадошный, боясь, что беловолосый до него доберется. Узнав, что мы хоть на кого-то вышли, они могут любой приказ отдать, вплоть до расстрела парня на месте.

– Если это беловолосый, то ему пули, как помните, что слону дробина, – пожал плечами Саенко. – Но да, все может быть. Что дальше?

– Нужно допросить университетских приятелей Белозерцева, – немного подумав, ответил Головатов. – С кем-то он все-таки водится, не может человек быть полностью один. Да и с девками должен встречаться, молодой же парень, и совсем не гей.

В этот момент его телефон требовательно заверещал. Эфсбешник приложил его к уху, что-то коротко буркнул, выслушал какое-то сообщение. С каждым мгновением его лицо становилось все более кислым.

– Ну я же говорил... – уныло произнес он, когда разговор закончился.

– Что? – подались вперед следователи.

– Приказано немедленно брать. Нам придан отряд СОБРа, ждет у дома Белозерцева. Постановление у них.

– Твою же мать! – не выдержал Пенкин. – Ну что за идиоты?! Какого хрена они мешаются в то, в чем понимают не больше, чем свинья в апельсинах?!

– Все расследование похе...ли!.. – поддержал коллегу Саенко.

– Что делать! Поехали.

Сообщив адрес Белозерцева водителю, следователи принялись обсуждать предстоящий допрос. Но к общему мнению прийти так и не смогли. Один считал, что необходимо давить, второй, что следует аккуратно вытягивать информацию, а третий мрачно молчал, о чем-то напряженно размышляя. Доехали довольно быстро, пробок, слава Богу, не было.

Белозерцев жил на самом Гражданском проспекте, в двух кварталах от метро по направлению к Суздальскому. Невдалеке от подъезда скрытно рассредоточились собровцы, ухитрившись не привлечь внимания зевак. Завидев микроавтобус с мигалкой, к нему направился командующий ими офицер.

– Лейтенант Рогов, – представился он. – Здравия желаю. Вот постановление об аресте.

Саенко взял постановление, прочитал и пожевал губами, с трудом сдержавшись от ругательства. Переглянувшись с Пенкиным, он махнул рукой, вошел в уже открытый подъезд и поднялся на третий этаж. Там посмотрел на довольно хлипкую, хоть и железную дверь – такие устанавливали небогатые люди в начале девяностых.

– Что думаете, лейтенант? – повернулся он к собровцу. – Будем звонить или вынесем дверь?

– Я бы вынес, – ответил тот. – Если там та белая тварь, то неожиданность может сыграть нам на руку. Да и вообще...

– Тогда действуйте! – скомандовал Головатов.

Следователи поднялись на следующий пролет лестницы и уже оттуда наблюдали, как два собровца приложили что-то к замку. Короткая вспышка, клуб дыма, грохот – и дверь открыта. В квартиру тут же просочились два бойца с короткими автоматами на изготовку. За ними еще двое и лейтенант.

– Идем, – махнул рукой Саенко.

Следователи поспешили спуститься и войти, не обратив внимания на блестящие от любопытства глаза бабки из соседней квартиры, подглядывающей в приоткрытую дверь.

Взгляду Пенкина открылась обычная, ничем не примечательная однокомнатная квартира, в которой, судя по некоторому беспорядку, жил холостяк. Только кухня, которую миновали по дороге, была огромной, чуть ли не в половину комнаты – добрых двенадцать, а то и четырнадцать квадратов. Там на полу спали четверо. Все вокруг носило следы вечеринки –

езде пустые бутылки, тарелки с объедками, забитые окурками пепельницы. Но когда следователи вошли в комнату, то буквально онемели – на диване в окружении трех девушек лежал приподнявшийся на локтях, ошарашенно мигающий длинноволосый парень. Он растерянно смотрел на направивших на него автоматы бойцов и явно не верил своим глазам.

– Ну-у-у, силе-е-ен, парняга-а-а... – восторженно протянул кто-то из собровцев. – Надо же, трех опри...

– Белозерцев Андрей Михайлович? – прервал его доставший и раскрывший удостоверение Головатов.

– Да... – растерянно подтвердил парень.

– ФСБ. Вы арестованы. Вот постановление.

Белозерцев побелел. И в этот момент следователям стало страшно – настолько он походил на беловолосого, что дыхание перехватывало, хотя был платиновым блондином. Но лицо один в один.

– Но за что?! – не выдержал он. – Что я сделал?!

– Это вам объяснят в управлении, – отозвался Головатов. – Собирайтесь. Всех остальных попрошу предъявить документы.

Отчаянно покрасневшие девушки, прикрывшись одеялом, быстро собрали свои тряпки с пола и под конвоем одного собровца поспешили в ванную одеваться. Второй привел с кухни остальных гостей – двух парней, явно с похмелья, судя по их виду, и двух девушек, испуганно лупающих глазами. Эти были уже одеты, так, видимо, и спали.

Документы у всех нашлись, поэтому, быстро допросив, их отпустили, попросив задержаться только сокурсников Белозерцева, Сергея Мухина и Марину Стрельникову. Остальные оказались шапочными знакомыми, встреченными компанией вчера в кафе «Африка».

– Простите, а в чем Андрея обвиняют? – не выдержала Марина, черноволосая красавица слегка шалавистого вида. – Может, ему адвокат нужен?.. Мы скинемся, найдем...

– Не мешайте следствию, девушка! – вызверился на нее Головатов. – По всем вопросам обращайтесь в Следственный Комитет Российской Федерации.

– Позвольте записать ваши фамилии, – вмешался Сергей. – Вы нарушаете закон. Адвокат сегодня же обратится в СК. И я вам обещаю, что это будет не простой адвокат! Андрюха, не бойсь, я через батю имею выход на серьезных людей. Будет тебе лучший адвокат.

– Да откуда мне деньги на него взять?.. – растерялся тот. – Но за помощь спасибо. Я ни в чем не виноват!

– Послушайте, молодые люди, не надо так, – постарался погасить нарождающийся конфликт Саенко. – Если вы ни в чем не виноваты, то вас отпустят.

– Адвокат не помешает! – сверкнул глазами Сергей. – И не думайте, что вам удастся все замять, господа хорошие.

– Ваша фамилия – Мухин? – внезапно нахмурился Головатов.

– Да!

– Сын Анатолия Максимовича?

– Да!

– Черт! – зло выругался эфесбешник. – Послушайте, Сергей Анатольевич, не лезьте в это дело, прошу вас.

– Андрей – мой друг! – отрезал тот. – И я его в беде не оставлю. Вам ясно?

– Ясно, – вздохнул Головатов. – Делайте, что считаете нужным. Но прошу помнить, что если ваш друг замешан в том, в чем его подозревают, то никакие связи вашего отца не помогут.

– Посмотрим, – растянул губы в жесткой улыбке Сергей. – Я могу быть свободным?

– Конечно.

– Хорошо. Мариша, пойдем. Андрюха, обещаю, что адвокат уже через два-три часа придет в Следственный Комитет. О деньгах не думай, это мои проблемы.

– Спасибо, Серж... – слабо улыбнулся тот.

– Держись. – Девушка подбежала к Белозерцеву и поцеловала его в щеку. – Мы тебя не бросим!

Затем они с Мухиным покинули квартиру. Понятых пришлось искать среди соседей – Головатов предупредил, что с сыном начальника областного управления ФСБ лучше не связываться, себе дороже. Но обыск ничего не дал – обычная квартира небогатого, если не сказать бедного человека. Из дорогих вещей только хороший профессиональный компьютер и музыкальный центр. Даже телевизора не было.

– Ну что ж, идемте, – скомандовал наконец Саенко.

– А квартира? – хмуро спросил Белозерцев. – Вы же дверь высадили...

– Ее опечатают.

– И что, это сдержит воров? Блин, мне же второго такого компа не купить, а я на нем работаю!

– Лейтенант, – обратился к собровцу следователь. – Прошу позаботиться о том, чтобы квартира была заперта.

– Хорошо, товарищ подполковник, – кивнул тот. – Что-нибудь придумаем. Сопровождение требуется?

– Думаю, нет, – покосился на понурого Белозерцева Саенко. – Ты же не будешь делать глупостей, парень?

– Не дурак, – вздохнул тот. – Я ни в чем не виноват и сопротивляться не собираюсь.

– Вот и хорошо, – кивнул следователь. – Идем.

Они покинули квартиру. Андрей не знал, что в следующий раз увидит ее еще очень и очень нескоро.

* * *

– Зачем вы настояли на этой встрече, Альвен? – поинтересовался высокий смуглый брюнет, напоминающий то ли перса, то ли араба, на самом деле являющийся главой темной иерархии Земли. – Мы, кажется, все вопросы обсудили еще месяц назад.

Он опустился в кресло, посмотрел на столик, после чего стоявшая на нем бутылка выдержанного виски сама собой открылась, поднялась в воздух и наполнила бокал, тут же прилетевший в руку мага. Напротив сидел крупный, слегка рыхлый на вид мужчина со светлыми короткими волосами ежиком. Впрочем, рыхлым его мог посчитать только тот, кто не сталкивался с ним в бою – один из лучших на Земле мастеров боевых искусств, Альвен Тарх, а именно это имя он носил в последние пятьдесят лет, побеждал почти всегда, если только не сталкивался с кем-то наподобие воинов Пути, но последние тихо сидели по своим монастырям и почти не высывались.

– Возникло кое-что новое, Торис. – Редкой красоты бас белокурого гиганта мягко рокотал. – Знаете, не могу назвать себя трусом, но, увидев то, что хочу показать вам, я испугался.

– Вот как? – удивился глава темной иерархии, бросив на собеседника быстрый взгляд. – И что же это?

– Смотрите. – Альвен включил лежавший рядом планшет и протянул ему. – Запись от 16 февраля этого года на рабочем столе.

Торис хмыкнул, но включил указанную запись. На экране возник мертвенно бледный человек в белом плаще и узких черных очках. Он взмахами рук отшвыривал пытающихся задержать его вооруженных людей, не обращая никакого внимания на плотный огонь. Пули бессильно падали у его ног.

– Это у вас шутки такие?.. – Голос Ториса дрожал. – Не смешно!

– Не шутки, к сожалению... – вздохнул Альвен. – Смотрите дальше.

Торис досмотрел до того места, как беловолосый поместил одетого в дорогой костюм, визжащего от ужаса полного человека в туманный шар, выслушал заявление: «Ты превысил меру терпения!» и выключил планшет.

– Ну и что это значит? – Его голос все еще был хрипловат и подрагивал.

– С моей стороны ничего, – усмехнулся Альвен. – Мне эту запись доставили подчиненные, перепугавшись до смерти. Как выяснилось, уже в течение трех с небольшим недель вот такое почти каждый день происходит в русском Санкт-Петербурге. Правда, в последнее время география событий несколько расширилась. Причем, ни один из наказанных не является иерархом! Обычные люди. Но очень богатые, причем достигшие богатства грязными методами.

– Люди-и-и?! – Глаза Ториса полезли на лоб. – Зачем ему люди?.. Он же не имеет права судить людей!

– Не имеет, однако судит, – развел руками глава светлой иерархии Земли. – И это удивляет меня больше, чем что-либо иное.

– Если сюда пришел Плетущий Путь или хотя бы Мастер Пути, то он обязан начать Суд, – пожевал губами глава темной. – В небе должен гореть видимый только нам и покровителям символ этого Суда! А его нет. Тогда что это может значить?

– Вот чтобы разобраться вместе, я к вам и обратился. – Взгляд Альвена стал жестким. – Это касается всех нас, поэтому предлагаю перемирие, пока мы не разберемся в происходящем. Если ОН здесь, то воевать смысла нет.

– Что ж, разумно, – согласился Торис. – Поддерживаю. Что еще вам известно?

– Пока немного, но вскоре мы узнаем больше. Пока скажу только, что наших русских резидентов насторожили всплески силы непонятной направленности в Петербурге и исчезновение там же нескольких важных контрагентов. Они предприняли собственное расследование и получили из Следственного Комитета РФ около десятка подобных записей. Над резиденцией этой организации в Петербурге раскинута пелена слежения, так что ни одно важное событие не пройдет мимо нашего внимания. И еще одно. Увидев записи, я поднялся на максимально доступный мне уровень ментала, но нигде не обнаружил никаких следов присутствия Палача!

– Возможно, кто-то из новых магов работает под него?

– Не исключаю, особенно если этот маг дошел до всего самостоятельно и не имеет понятия о балансе сил на планете или же не желает иметь с нами дела, – скривился светлый. – Помните сколько проблем бывало с такими, особенно если они действовали исподтишка? Распутину хотя бы взять или сталинских магов из ГПУ.

– Да уж, не забуду... – поежился темный. – Особенно гпушники у нас крови попили... Но давайте мыслить логически. Плетущие и Мастера Пути так себя не ведут, этот э-э-э... предлагаю пока называть его некто... Так вот, первое: этот некто внешне очень похож на Палача – бледная кожа, белые волосы и одежда, узкие черные очки. Второе: неуязвимость – он невредимым выходит из эпицентра довольно сильного взрыва. Такое смогли бы проделать по пять-шесть высших магистров из обеих иерархий, не более.

– Третье: способ перемещения, – добавил Альвен. – На двух записях было зафиксировано, как он исчезал в одном месте и мгновенно возникал в другом. И это не телепортация, доступная вам или мне, а нечто иное. Очень похоже на легендарное перемещение по нитям, которым пользовались обладатели алеанов¹.

– Об алеанах на Земле не слышали уже больше трехсот лет, – помрачнел Торис. – Нам сейчас даже община воинов Пути с алеанами будет, как нож в спину. Сами знаете причину.

¹ **Алеан** – амулет пустоты, получить его можно только из рук Палача (Плетущего или Мастера Пути). Он позволяет своему обладателю мгновенно перемещаться не только в пределах одной планеты, но и, при определенной сноровке, между мирами ближнего конгломерата. Подробно описан в романе И. Эльтерруса «Вера изгоев». (прим. автора)

– Да уж, знаю... Но это тема старая, у нас сейчас другая забота. Итак, это вряд ли взрослый опытный Палач, скорее, похоже на мага, получившего от одного Палача кое-какие возможности. Причем мага, не обучавшегося по классическим западным или восточным методикам.

– Но кто тогда мог его обучить? Такого без обучения добиться невозможно. Самые лучшие самоучки не имели и десятой доли его возможностей. Да, многое умели, неприятностей доставляли море, не спорю, но... Я сомневаюсь, что сам справлюсь с этим беловолосым чудовищем.

– Я тоже сомневаюсь, – вздохнул Альвен. – Но при этом вспышки силы были довольно слабы. И как все это связать воедино и понять, что же происходит, я не знаю.

– Давайте не будем спешить с выводами, – предложил Торис. – Единственное предположение, которое не могу не высказать – перед нами совсем молодой Палач, ведь откуда-то они возникают. Мои аналитики однажды высказали предположение, что отродья – да-да, те самые чудовищные дети, которых изничтожаем и мы, и вы, не надо притворяться чистенькими – это на самом деле будущие Палачи. Я тогда посмеялся над их буйной фантазией, но теперь не знаю, что и думать.

– Почему?

– Сходство. Все отродья на моей памяти, этот некто и последний приходивший в наш мир Палач – на одно лицо, невероятно друг на друга похожи.

– Проклятье! – сжал кулаки светлый. – А ведь вы правы. Как я сам на это раньше внимания не обратил?... Да уж, инерция мышления ни к чему хорошему не приводит...

Он немного помолчал, затем качнул головой и произнес:

– Все равно не сходится. Никто не позволил бы отродью вырасти, его бы почуяли все – младенцы не способны скрывать свои силы, а прикрывать его было некому.

– Кто знает... – Темный выглядел задумчивым. – Есть у меня одно подозрение, но пока оно не подтвердится, простите уж, делиться не стану. Если...

Его прервал телефонный звонок. Альвен, хотевший было возразить, тут же забыл обо всем и вытащил мобильник. Выслушав все, что говорил ему взволнованный голос, в обладателе которого Торис узнал Орхайнера, одного из самых сильных магистров светлой иерархии, отключил связь. Некоторое время Альвен молчал, а потом заметил:

– Любопытно...

– Что именно? – подался вперед темный.

– Следственный Комитет Санкт-Петербурга вместе с ФСБ только что арестовал петербургского студента Белозерцева Андрея, обнаружив его по отпечаткам пальцев, оставленным беловолосым. Внешнее сходство с последним очень велико, но отличия все же имеются. Судя по предварительным данным – обычный человек, ничего сверхъестественного за ним не замечено. Но надо бы, чтобы кто-то из магистров посмотрел на него вблизи, особенно со стороны ментала – нет ли связей с силой.

– Странно... – нахмурился Торис. – Как беловолосый, обладающий такой силой, мог позволить себя арестовать? Ему же достаточно пожелать, чтобы мгновенно оказаться в любой точке земного шара...

– Это и меня настораживает. Что-то здесь не так. Но считаю, что на всякий случай Белозерцева нужно устранить.

– А я бы подождал. Это никогда не поздно, зато сможем выяснить что-нибудь. Уверен, что здесь не все так просто. Я хочу понять подоплеку этих странных событий. Представьте хотя бы, что беловолосый еще не до конца инициировался и сам не понимает, что с ним творится. Тогда тот, кто поможет, получит благодарность. А благодарность такой сущности, как Плетущий или хотя бы Мастер Пути... Не мне вам объяснять, что это такое.

– Это больше, чем благодарность Контроля... – кивнул Альвен. – Но я никогда не слышал, чтобы подобное удалось хоть кому-то. Хорошо, подождем, посмотрим на развитие ситуации. Мне обещали доставить протокол допроса Белозерцева.

– Вот и ладно, – усмехнулся Торис. – А сейчас давайте-ка, раз уж встретились, обсудим наши разногласия по созданию единой эмпатической структуры, без которой ни один из внешних миров не будет воспринимать нас всерьез...

3

Арест произвел на Андрея шоковое впечатление. Никак не ждал он, нежась утром на постели в окружении трех красивых девушек, что вдруг раздастся глухой взрыв и комната мгновенно наполнится бойцами в камуфляже и масках, направившими на него автоматы. Собираясь, парень лихорадочно пытался понять в чем его могут обвинять, но ничего не находил. На память приходили случаи, когда сажали невиновных по оговору или еще по какой-то причине, и Андрею становилось не по себе.

Его вывели из дома, усадили в микроавтобус, в забранное решеткой отделение. Он почти ничего не воспринимал, все вокруг скрывалось в каком-то тумане. Одновременно ловил себя на несвойственных раньше чувствах – казалось, его постепенно наполняет холодный, нет, даже леденящий гнев, накатывающийся белой волной. И Андрей всеми силами старался этот гнев сдержать – ему почему-то казалось, что если не сдержит, то случится что-то страшное.

Было еще кое-что, на что раньше он обязательно обратил бы внимание – где-то на краю сознания Андрей видел происходящее вокруг метров на сто в диаметре, причем невзирая на стены. Сейчас же он почему-то воспринял это как должное, словно иначе и быть не могло, и просто отмечал все увиденное, раскладывая по полочкам – мозг при этом работал четко, как компьютер, что опять же не вызывало ни малейшего удивления. Чувства словно атрофировались.

Микроавтобус ехал по улицам Питера, а Андрей смотрел в окно и замечал любое действие или слово каждого человека, автоматически давая оценку. При этом оценки были довольно странные – «нейтрально», «правильно» и «неправильно». По отношению к чему? Этим вопросом Андрей не задавался, его сознание продолжало лихорадочно разбрасывать слова и поступки людей по указанным трем категориям, причем зачем он это делает не имел ни малейшего понятия. Однако ощущал, что так надо.

Информация широким потоком вливалась в мозг, ничто в ближайшем окружении не уходило от внимания Андрея, даже если это что-то происходило внутри едущей навстречу машины или за стеной промелькнувшего мимо дома. Он не знал, что в этот момент в его мозгу образуются миллионы невозможных для человека связей, что начинается полное преобразование тела и разума. Впрочем, об этом ему еще предстояло узнать. Но не сегодня.

– Выходи, приехали! – открыл дверцу клетки один из конвоиров.

Андрей неловко выбрался наружу и оказался в незнакомом дворе где-то в центре города – дома вокруг были старыми, явно еще дореволюционной постройки. Он уныло поплелся за одним из следователей. В себя пришел только в невзрачном кабинете, где не было ничего, кроме стула, куда его усадили, и стола напротив, за которым расселись приезжавшие арестовывать его люди в гражданском.

– Итак, приступим, – произнес следователь из ФСБ, насколько запомнил Андрей. – Имя, фамилия, отчество? Год рождения? Мать? Отец?

– Белозерцев Андрей Михайлович, родился 17 мая 1992 года. Мать – Белозерцева Ангелина Павловна. Отец – неизвестен.

– Почему? – прищурился один из двух других следователей.

– Мама никогда о нем не говорила, не называла его имени и так далее, – пожал плечами Андрей. – Так что ничего по его поводу сообщить не могу.

– Интересно, – протянул эфесбешник. – Хорошо, пусть так. Теперь...

И арестованного начали допрашивать о мельчайших подробностях его биографии, начиная с раннего детства. Причем отвечать приходилось обстоятельно, вспоминая такие мелочи, которые Андрей полагал давно забытыми, однако сейчас все вспоминалось на удивление легко,

без напряжения. Особенно следователей интересовала его служба в армии и взаимоотношения с сослуживцами.

– Нам известно, что вы конфликтовали с командованием части, – произнес наконец эфе-сбешник. – Назовите причины.

– Причины? – едва удержался от ругательств Андрей. – Причина одна. Подполковник Хмелин – сволочь! И офицеров себе таких же подобрал!

– Обоснуйте.

– Для него главное, чтобы все внешне благопристойно было, а что на самом деле творится – плевать. Лишь бы сор из избы не выносился. Нам даже помыться в жару негде было – десяток душевых кабинок с холодной водой на всю часть! В казарме зимой зуб на зуб не попадал! Дедовщина процветала, а командир дедов, издевавшихся над молодыми, покрывал. Даже то, что один парень после избиения в больницу угодил и инвалидом остался, ситуацию не изменило, подполковник все скрыл, даже пострадавшего как-то молчать заставил. Я терпел-терпел, потом начал возмущаться, в итоге и деды били, и на губе сидел, и замполит долго уговаривал не лезть, куда не просят. Я в ответ написал в военную прокуратуру. Ну, и пошло-поехало...

– Мда... – покачал головой один из следователей Следственного Комитета, кажется, по фамилии Пенкин. – Так ничего не добиться, хотя я вас понимаю.

– Если все станут молчать, то мразь будет торжествовать, – глухо сказал Андрей. – А в мире должна быть справедливость, истинная справедливость. Или...

– Или что?

– Или такого мира не должно быть.

Он не заметил, что в это мгновение его глаза на пару секунд стали белыми, словно на них напозли горящие ледяным огнем бельма. Зато это прекрасно заметили следователи. По кабинету повеяло морозным холодом, и они с трудом сдержали дрожь, сразу и окончательно поняв, что парень перед ними – нечто большее, чем человек. Но сам об этом, кажется, не подозревает.

Поэтому допрос был быстро свернут, и Белозерцева отвели в камеру. А оперативники растерянно уставились друг на друга.

– Говорил я, что тут мистика... – наконец произнес Пенкин, вытерев холодный пот со лба.

– Похоже, ты прав, – хмуро обронил Саенко.

– Меня сейчас больше волнует, что начальству докладывать, – вздохнул Головатов. – Оно, понимаете ли, в мистику не верит...

– А беловолосый и его действия – не мистика? – ехидно поинтересовался Сергей. – Предлагаю ничего о наших впечатлениях не докладывать до тех пор, пока скрывать станет уже невозможно, пока сами не увидят – в дурку мне не хочется. И понаблюдать за парнем. Если беловолосый – это он, то долго он у нас не задержится.

– Ох, жаль мне беднягу... – покачал головой Петр. – Ох, жаль... – он показал пальцем на потолок. – Если там поймут, что он действительно может что-то, то ему из лабораторий до конца жизни не выбраться.

– Сомневаюсь, – хмыкнул Головатов. – Разнесет на хрен эти лаборатории. Впрочем, не хочу делать предположений, давайте лучше пробежимся по фактам еще раз. Итак, на данный момент Белозерцев – единственная ниточка, способная привести к беловолосому. Сам ли он это или просто похож – уже неважно. Главное, что без этого парня нам ничего не достичь.

– Я только одного понять не могу... – почесал в затылке Саенко. – Ну, выйдем мы на беловолосого. И что с ним делать? Взять его, если судить по видеозаписям, мы не в состоянии – ему на наши потуги плевать, а на наши законы – тем более. Вреда ему причинить мы тоже не сумеем. Что дальше?

– Мне дано задание попытаться с ним поговорить... – По виду эфсбешника было понятно, что это задание ему сильно не по вкусу, но поделаться он ничего не может. – Возможно, удастся найти общий язык...

– Смешно! Единственные, с кем он вообще заговорил – это майор Алексеев и старший лейтенант Духов, – усмехнулся Саенко. – И я, кажется, понял причину, почему беловолосый это сделал.

– И?... – остальные двое подались вперед.

– Минуту... – Петро вывел на свой планшет фото беловолосого, Белозерцева и вышеуказанных майора со старшим лейтенантом, после чего отдал планшет собеседникам. – Сами сравните. Ничего в голову не приходит?

– Проклятье! – выругался Головатов, а затем добавил несколько куда более крепких словечек. – Да они же похожи, как родные братья! Лицо одно!

– Вот именно! – поднял палец Саенко. – Я долго не мог понять, что мне по душе царапает, а сейчас дошло.

– Мать-перемать! – Пенкин продолжал всматриваться в фотографии. – Но что это может значить?..

– Не знаю. Но что-то значит. И нам надо выяснить – что.

– Это если расследование у нас не отберут, – вздохнул Головатов. – Как только наверху поймут, что мы действительно столкнулись с чем-то сверхъестественным, то Белозерцева тут же переведут в закрытые лаборатории. И живым он оттуда не выйдет.

– Мда... – помрачнел Саенко.

– Чтобы получить такие силы, как у беловолосого, любая спецслужба мира на что угодно пойдет, сами должны понимать. И это пока только наши знают. А что начнется после того, как о беловолосом и его возможностях узнают в Америке и Европе? А у меня нет сомнений, что узнают, информация слишком распространилась. Вот тогда вообще будет нечего...

– Откуда только этот беловолосый на наши головы свалился... – поежился Пенкин, представив себе вышесказанное. – Правдолюб хренов...

– А нам-то что делать? – хмуро поинтересовался Саенко.

– Что должны, – пожал плечами Головатов. – Доложить по инстанции об аресте Белозерцева. Пусть начальство голову ломает. О его... э-э-э... глазах я не рискну ничего говорить. Тоже не хочу в дурдом.

– Пожалуй, да.

Следователи попрощались и разошлись. Точнее, ушли Саенко и Головатов, а Пенкин сел за стол и принялся расчерчивать лист бумаги, размышляя над уже известным и пытаясь предугадать неизвестное. Но интуиция пока молчала, и это сильно раздражало. Однако делать было нечего, и Сергей продолжил размышлять, надеясь, что хоть что-нибудь интересное придет в голову.

* * *

Три одетых в дорогие костюмы пожилых человека внимательно слушали запись первого допроса Андрея Белозерцева. Причем не отредактированную следователями – ее принесли совсем недавно.

– Не удивлен, что они решили промолчать, мне трудно поверить в такое, – заметил Борис Станиславович Похмелов, хорошо известный в спецслужбах страны аналитик. Место его реальной работы не знал никто, зато всем было известно, что к мнению этого подтянутого лысоватого мужчины прислушиваются в самых высоких кабинетах страны.

– Если Белозерцев – беловолосый, то можно ожидать всего, – возразил ему Анатолий Максимович, отец Сергея Мухина, очень недовольный тем, что его сын оказался связан с этим грязным делом.

– Судя по видеозаписям, об аресте беловолосого и речи быть не может, он бы разнес все вокруг и легко ушел, – покачал головой Олег Филимонович, невзрачный субъект неопределенного возраста. Он появился в городе только этим утром, прибыв спецрейсом из Москвы, и предоставил документы, подтверждающие полномочия такого уровня, что становилось не по себе. Вплоть до использования всех войсковых соединений региона! – Так что сомневаюсь, что он и этот Белозерцев – одно и то же лицо. Хотя может быть все. Надеюсь, в камере с него не спускают глаз?

– Естественно, – подтвердил начальник управления. – Больше десяти видеокамер во всех точках камеры. Плюс четверо наблюдателей.

– Хорошо. Борис Станиславович, что думаете по поводу сходства беловолосого, Белозерцева, Алексеева и Духова?

– Пока ничего, – лаконично ответил аналитик. – Слишком мало данных. Родственных связей между ними не обнаружено, но это ни о чем не говорит, поскольку имя отца Белозерцева неизвестно. Результаты генетического анализа еще не пришли. Вполне возможно простейшее объяснение – они родственники во втором-третьем поколении.

– Вы правы... – вздохнул Олег Филимонович. – Получается, что докладывать президенту мне нечего...

– Ничем не могу помочь, к сожалению, – сухо сказал Борис Станиславович. – Исследования туманных шаров тоже пока не дали результата – ученые сходят с ума в попытках понять, что это такое. Но никакая аппаратура ничего не показывает, словно шаров на самом деле не существует. Интересно разве что предположение профессора Стародубцева о том, что на самом деле шары – это области пространства с измененной метрикой. Возможно, даже сдвинутые во времени. Но другие эксперты приняли эти идеи в штыки.

– Но хоть что-то выяснено?! – На лице столичного гостя отобразилась досада.

– Единственно, что выяснено с оперативной точки зрения, так это то, что все пострадавшие из самого Санкт-Петербурга, никого из других городов среди них не зафиксировано, – осторожно вступил в разговор Мухин. – Однако нескольких из них беловолосый настиг в других городах и даже за границей.

– Это давно известно! – отмахнулся Олег Филимонович. – Что...

Его прервал требовательный телефонный звонок. Анатолий Максимович поднял трубку, выслушал и мертвенно побледнел. Он со стуком опустил трубку на стол и выдохнул:

– Белозерцев сбежал! Превратился в беловолосого и сбежал...

– Что?! – чуть не подпрыгнул столичный гость. – Как?!!

– Сейчас принесут видеозаписи... – запинаящимся голосом пообещал Мухин. – Все зафиксировано...

– Значит, все-таки он, – закусил губу Борис Станиславович. – Не думал. На вид и по всем данным – обычный студент...

Следующие полчаса прошли в нервном ожидании и ничего не значащем разговоре, в котором высказывались сотни предположений, скорее всего, не имеющих к реальности никакого отношения – собеседники это прекрасно понимали, но им просто было не по себе. Ведь скоро еще кто-то окажется в туманной сфере и, вполне возможно, кто-то хорошо знакомый, кто-то из тех, кто нынче на вершине и от кого многое зависит. А грешки у таковых водились всегда, не подняться наверх с чистыми руками, любой здравомыслящий человек это хорошо понимал.

Наконец видеозаписи были доставлены, и собеседники сгрудились у компьютера. На экране появилась камера со стерильно-белыми стенами. В ней, кроме узкой койки и встроен-

ного в стену унитаза ничего не было. На койке сгорбившись сидел растерянный парень лет двадцати с небольшим, он, судя по виду, не понимал почему он здесь, то и дело окидывая взглядом камеру и что-то неслышно шепча себе под нос. К сожалению, микрофоны ничего не уловили, придется вызывать чтеца по губам.

Белозерцев взъерошил свои длинные светлые волосы и тяжело вздохнул. Потом встал и принялся мерить камеру шагами, явно над чем-то напряженно размышляя. Минуты через полторы он вдруг остановился, откинул голову назад и рассмеялся каким-то жутким, скрипучим, пугающим, нечеловеческим смехом. А после этого его волосы и кожа принялись стремительно белеть, как, впрочем, и одежда. Парня били судороги, по губам потекли струйки крови, но вскоре исчезли, словно впитались в ставшую мертвенно-бледной кожу. Не прошло и двух минут, как в камере стоял беловолосый в своем обычном белоснежном плаще до колен и узких черных очках.

До охранников быстро дошло, что происходит нечто необычное, и они ворвались в камеру еще до полного изменения Белозерцева. На их слова он не обратил никакого внимания, и охранники открыли огонь на поражение. Впрочем, это ничего не дало, пули бессильно падали у ног беловолосого. Однако не все – аналитик отметил, что, когда одежда узника еще не до конца изменилась, одна из пуль ударила в плечо, откуда плеснул фонтанчик крови, но тут же исчез.

Беловолосый медленно повернул голову к охранникам и слегка опустил очки, приоткрыв глаза на каких-то полмиллиметра. Четверо взрослых сильных мужчин тут же выронили оружие, медленно опустились на пол и застыли в нелепых позах. В здании надрывалась сирена тревоги – кто-то из охранников все же успел нажать на кнопку. Беловолосый вернул очки на место и исчез, словно его в камере никогда и не было.

К камере примчался наряд и кинулся помогать охранникам. Вскоре набежали еще люди, в том числе двое в белых халатах.

– Это уже неинтересно, – выключил воспроизведение Олег Филимонович. – Охранники, насколько я понял, живы.

– Живы, – подтвердил успевший прочесть переданный одновременно с видеозаписью рапорт Анатолий Максимович. – Без сознания. Беловолосый явно не хотел им вредить, просто отключил, чтобы не мешали. Другого вывода я сделать не могу.

– Что-то здесь не сходится... – покачал головой Борис Станиславович. – И сильно не сходится. Поведение Белозерцева было естественным, это я могу утверждать со всей уверенностью. А когда он превратился в беловолосого – оно полностью изменилось, как будто эти двое – разные личности. Шизофрения? Не рискну делать такой вывод, тем более что сейчас однозначно подтвердилось – мы имеем дело с чем-то сверхъестественным. Но...

– Что? – насторожился столичный гость.

– Не знаю, заметили ли вы, что в человеческой форме беловолосый не неуязвим?

– В смысле?

– В прямом, – почти незаметно усмехнулся Борис Станиславович. – Его ранили, я заметил одно попадание. Отсюда следует вывод – пока Белозерцев не преобразовался, его можно хотя бы ранить. И это дает определенную надежду на то, что мы сможем противостоять этому существу. Назвать его человеком, простите уж, не могу.

– Пожалуй... – скривился Мухин. – Скажи мне кто еще три недели назад, до всех этих событий, о таком, отправил бы в психушку провериться...

– Мы действительно имеем дело с чем-то неизвестным и даже не представимом до сих пор, – потер висок Олег Филимонович. – Но наша задача справиться с данным вопросом. При этом нельзя допустить, чтобы новые знания попали в руки наших западных «друзей». Да и информация из папок беловолосого тоже важна – она должна своевременно перехватываться.

Все трое поежились, представив, что какая-нибудь из оставленных странным существом папок попадет к журналистам. Пострадавших от беловолосого не слишком жаль, твари редкостные, но твари полезные – политика чистыми руками не делается. К тому же информация в этих папках сильно задевает интересы государства. В случае ее распространения неприятностей не оберешься.

– Хочу высказать еще одно предположение... – задумчиво произнес аналитик. – Камеру, в которой находился Белозерцев, не стоит оставлять без присмотра. Он может туда вернуться. Не просите меня объяснить, почему я так считаю, сам объяснить не могу, но проверить необходимо.

– Хорошо, – отметил что-то в своем блокноте начальник управления, он не любил новых электронных планшетов и по старинке пользовался записными книжками. – Но что делать, если он действительно вернется?

– Никакой агрессии! – встрепнулся Олег Филимонович. – Срочный перевод на объект Х27, вы знаете, о чем речь. Новых людей к делу старайтесь не подключать, пусть его ведут те же трое следователей, что и до сих пор, они неплохо себя показали. Только переведите Пенкина и Саенко из СК к вам, Анатолий Максимович, взяв с них все нужные подписки.

Он встал, нервно прошелся по комнате и на ходу продолжил:

– Теперь, когда личность беловолосого точно установлена, наша главная задача – договориться с ним. Очень важно понять, как он сделал все то, что сделал. Но если договориться будет невозможно, то... – столичный гость поежился. – То нужно будет задуматься о его устранении. Любой ценой. Ведь он может добраться не только до питерских бизнесменов, а и...

– Хочу обратить ваше внимание еще на один немаловажный факт, – с некоторым нежеланием сказал Борис Станиславович. – Раньше я говорил, что не могу сделать никаких выводов по поводу сходства Белозерцева, Алексеева и Духова, однако в свете новых фактов хочу посоветовать держать двух последних на виду. Вплоть до того, что призвать их снова на службу вместе со всем отрядом, причем опять же к вам, Анатолий Максимович. Предлог сами найдете.

– Одобряю! – кивнул Олег Филимонович.

– Хорошо, так и сделаю, – начальник управления записал еще несколько строк в записную книжку.

– Но и это не все! – поднял палец аналитик. – Необходимо запустить поиск на всероссийском уровне. Поиск похожих на Белозерцева людей – и мужчин, и женщин. Каждого обнаруженного следует брать на карандаш. Моя интуиция буквально надрывается, что их сходство означает что-то очень важное. Не могу пока объяснить, но считаю, что сделать вышесказанное нужно обязательно.

– Сделаем, – кивнул столичный гость. – Мы вам доверяем и ваши рекомендации выполняем. Засим прощаюсь, мне нужно срочно связаться с Москвой. Прошу о любых изменениях ситуации немедленно сообщать. Это дело на контроле президента. Личном контроле!

Олег Филимонович быстрым шагом покинул кабинет. Оставшиеся двое проводили его взглядом и задумались каждый о своем.

* * *

– Так вы можете сообщить мне, что за странные шевеления у русских в Петербурге? – хмуро поинтересовался Роберт Хайчдаун у подчиненного.

– Кое-какая разрозненная информация поступила, – нехотя отозвался Джордж Кинси. – Но она слишком невероятна...

– Невероятна? Уточните.

– Да мистика какая-то, сэр...

– Мистика? – изумился Хайчдаун. – Что вы имеете в виду? Я вас не понимаю.

– По поступившим данным в Санкт-Петербурге появился некий мститель, уничтожающий богатых людей, – начал Кинси. – Причем этот мститель неуязвим ни для какого оружия. Ходит во всем белом и волосы имеет тоже белые. Вооруженных охранников размазывает по стенам одним движением. А виновных с его точки зрения помещает в туманные шары, висящие под потолком.

– Вы зачем мне пересказываете сюжет фильма об очередном «супермене»? – Голос шефа стал язвительным.

– Это информация, поступившая из России.

– И что курили ваши люди там? – насмешливо прищурился Хайчдаун.

– Я поначалу тоже так подумал, – тяжело вздохнул Кинси. – Но слишком много случаев. Мало того, одному из агентов удалось раздобыть видеозапись, причем чудом – русские мгновенно все засекретили. Именно данный факт насторожил меня и заставил отнестись к этой чуши серьезно.

– Видеозапись? – оживился шеф. – Она у вас с собой?

– Да. – Начальник отдела протянул ему флешку. – По оценке экспертов, это не монтаж.

– Вот как? – приподнял брови Хайчдаун. – Включайте.

Кейси вставил в гнездо флешку и запустил запись. Он ее уже видел и не знал, что и подумать, поэтому и размышлять не стал. Вместо того он исподтишка наблюдал за вальяжно развалившимся на кресле шефом. Но когда на экране впервые появился беловолосый, всю его вальяжность как водой смыло. Кейси изумился: никто до сих пор не видел Роберта Хайчдауна в ужасе, а тот однозначно пребывал именно в ужасе – это читалось в широко распахнутых глазах, о том же говорили приоткрывшийся рот, струйка слюны и трясущиеся руки. Что это с шефом?..

Логика у опытного оперативника, прошедшего все ступени служебной лестницы, всегда была на высоте. Поэтому вывод последовал сам собой – Хайчдауну известно, кто такой этот беловолосый, и шеф его до смерти боится. Возможно, именно потому боится, что знает, чего от него ожидать.

Когда запись закончилась, Хайчдаун довольно долго молчал, а Кейси не решался нарушить молчание. Добрых десять минут в кабинете царил тишина, а затем шеф глухо поинтересовался:

– Сколько, говорите, было таких случаев?

– Точно неизвестно, – развел руками начальник отдела. – Русские все засекретили, причем на таком уровне, что даже отрывочные сведения удалось добыть с величайшим трудом и за очень большие деньги. Как вы знаете, в России в последнее время стало трудно работать. Но, по предположениям, подобных случаев больше десяти.

– Ясно... – Шеф пожевал губами. – Все силы на это дело. Это приказ. Любую поступившую информацию, даже самую малейшую, немедленно мне на стол! Текущие дела передать в другие отделы. Поднять всю нашу агентуру в России, даже спящих.

– Спящих?! – изумился Кейси, не считавший нужным активировать внедренных еще десятилетия назад агентов. – Но кто это такой? Почему ради него нужно так напрягаться? Сэр, вы знаете?

– От того, что я скажу вам, ничего, к сожалению, не изменится, он уже здесь, – хмуро бросил Хайчдаун. – Вам что-нибудь говорит слово «Палач»? Нет ведь?

– Нет...

– Вот именно. Но я сразу могу сказать, что дело идет о самом существовании нашей структуры, а то и всего мира.

– Ничего не понимаю, сэр... – растерянно выдавил Кейси.

– Позже я кое-что объясню. – Взгляд шефа стал очень тяжелым. – После того, как подпишете нужные бумаги, вашего уровня доступа для всего этого недостаточно. Главное, что я

требую, повторяю, требую запомнить – ни в коем случае никакой агрессии, даже в мыслях, по отношению к этому индивидууму, – он кивнул на экран, на котором застыло на паузе лицо беловолосого. – То, что вы видели в записи – лишь малая доля того, на что он способен. Пока это все. Идите и без новой информации не возвращайтесь.

Пребывающий в полной растерянности Кейси покинул начальственный кабинет, начиная понимать, что столкнулся с чем-то таким, с чем их служба, официально не существующая и тайно финансируемая Бильдербергским Клубом, еще не сталкивалась.

А недавно разменявший третью сотню лет маг, никогда не принадлежавший ни к одной иерархии, задумался. Не хотелось связываться с темными или светлыми, но, похоже, придется. Появление на Земле Палача меняло весь расклад сил. И теперь главное – шкуру спасти. Хотя бы только свою, если уж не получится помочь тем, кому обязан. И тем, кто дорог.

* * *

Звонок в дверь заставил Михаила оторваться от изучения повестки и направиться к двери. Увидев в глазок Виктора Духова с такой же бумажкой в руках, он кивнул – так и думал. Никому из отряда майор еще не успел позвонить, но почему-то был уверен, что призвали всех. Это было неожиданно и на первый взгляд радостно, но почему-то сильно настораживало, ведь никаких предпосылок к такому не было. Кроме одной – участие в инциденте с беловолосым, пощадившим его ребят.

– Утро, командир! – поздоровался старлей. – Мне вот повестка пришла. Извини, что без звонка, мобильник сел, а зарядить забыл.

– Мне тоже пришла, – проворчал Михаил, впуская друга и побратима в квартиру.

Сели, как обычно, на крохотной кухоньке однокомнатной квартиры, доставшейся майору после размена и развода с женой, не пожелавшей жить с человеком, который бывает дома по несколько дней в году. Эта стерва теперь даже с сыном Михаилу не позволяла видеться, что его очень огорчало. Обстановки в квартире почти не имелось – потребности у привыкшего к казарменной жизни офицера были минимальны. Только технику он покупал самую лучшую, а спал на узком жестком диване, даже не раскладывая его.

– Не против, командир? – Виктор выставил на стол бутылку коньяка. – Мне сегодня надо.

– Мне, пожалуй, тоже, – согласно кивнул Михаил.

Обычно они почти не пили, максимум раз или два в месяц, а то и реже, но неожиданно полученные повестки выбили из колеи.

– Что думаешь? – спросил старлей, когда они выпили по рюмке, закусив найденными в холодильнике лимоном и сыром.

– Не знаю, что сказать... – покачал головой майор. – Что-то здесь не то, Шас, – он употребил боевой позывной друга, чего в гражданской жизни предпочитал не делать.

– Думаешь, Морт? – прищурился Виктор, последовав его примеру.

– Думаю, – подтвердил Михаил. – Я...

Его прервал звонок мобильного. Выслушав, майор глухо выматерился. Но что-либо рассказать старлею не успел – звонки пошли один за другим. И так продолжалось, пока весь отряд не отзвонился командиру. Все это длилось больше получаса, и с каждой минутой Виктор мрачнел все сильнее.

– И? – не выдержал он, когда Михаил положил мобильник на стол.

– Все! – выдохнул тот. – Даже раненные.

– М-мат-ть! – в сердцах выдохнул старший лейтенант, с трудом сдержавшись от того, чтобы грохнуть кулаком по столу.

– Других слов не остается, – покивал майор. – Причем каждому повестка вручена курьером ФСБ лично, а не отправлена обычной почтой. Под роспись и подписку о неразглашении.

– Я считал, что это только мне так «повезло»... – нахмурился Виктор. – Ну тебе еще, максимум.

– Похоже, из нас сформируют какое-то хитрое спецподразделение, причем, при ФСБ, что мне сильно не нравится. Мы с Конторой всегда на ножах были...

– Думаю, это как-то связано с беловолосым. Почти уверен.

– Да я тоже...

Друзья помолчали, выпили еще по рюмке.

– Приказано прибыть завтра со всеми документами в областное управление ФСБ, – хмуро сказал Виктор, еще раз изучив повестку. – Хотел я послужить еще, конечно, но...

– Вот именно, что «но»... – вздохнул Михаил. – И еще одно. Помнишь, нас с тобой всегда за братьев родных принимали?

– Ну да, только цветом волос и различаемся, а морда – одна, – кивнул старлей. – Я даже думал, когда тебя впервые увидел, что батяня мой на стороне гульнул.

– А я, что мой, – усмехнулся майор. – Потом вспомнил, что это с мамой я на одно лицо, на отца совсем непохож.

– У меня – наоборот все. Но к чему это ты?

– Да к тому, что беловолосый на нас тоже похож, как близнец. Сам вспомни. Я долго не мог понять, чего же меня гложет, когда случившееся в башке прокручиваю. А потом понял.

– Блин, а ведь точно! – вскинулся Виктор. – Я тогда внимания не обратил, не до того было...

– И теперь вот это, – Михаил постучал пальцем по повестке, – вызывает у меня еще большую настороженность. Мы, похоже, в большое дерьмо вляпались.

– И деваться некуда... – скрипнул зубами старлей. – Я присягу давал.

– Как все мы. – Майор налил им еще понемногу. – Да, это последняя. Завтра нам трезвые головы нужны.

Они выпили, отставили рюмки, а затем Виктор спросил:

– Что думаешь по поводу беловолосого?

– Мне он нравится, – неожиданно признался Михаил. – По справедливости поступает, тварей наказывает, которых по закону не тронешь.

– А я пока не определился. Но что-то в этом мужике есть. Настоящее что-то. Вот только понять не могу, как он проделывал все...

– Думаешь, я могу? Да и начальство вряд ли что понимает, потому и началось такое шебуршание. Нам вряд ли скажут, даже если что и узнают.

– Оно-то так... – Виктор выглядел задумчивым. – Вот только боюсь, как бы нас живцом не сделали, на который его ловить станут...

– Все может быть, – развел руками Михаил, вставая и пряча ополовиненную бутылку в шкафчик. – Но присяга есть присяга. Поэтому давай-ка разбегаться. Ребятам передай, чтобы завтра с вещами и документами у входа в областное управление в полвосьмого утра были. И не опаздывать!

– Хорошо, командир.

Проводив Виктора, Михаил вернулся в кухню, налил себе чаю и задумался, пытаясь понять, чего же ему ожидать в ближайшем будущем.

* * *

По большой почти пустой комнате мерно расхаживал крупный светловолосый человек. По его виду становилось ясно, что он о чем-то напряженно размышляет. О чем-то не слишком приятном.

Вернувшись к столу, Альвен сел и снова перечитал протокол допроса Белозерцева и расшифровку записей разговора следователей. Потом просмотрел запись превращения арестованного в беловолосого. На сей раз он не спешил, вдумываясь в каждое слово и пытаясь понять, что из всего этого следует. А следовали очень нехорошие вещи.

Во-первых, Белозерцев еще не понимает, кто он такой и что может – конечно, полностью уверенным в этом глава светлой иерархии Земли быть не мог, но более, чем на семьдесят процентов, – да. Во-вторых, и это самое главное, в человеческом облике беловолосый уязвим! Альвен четко видел, как после попадания пули в плечо недопалача выплеснулся фонтанчик крови. В третьих, о том, что он имеет сверхчеловеческие способности, стало известно русским спецслужбам. И от Белозерцева они теперь не отвяжутся, что чревато очень нехорошими последствиями. Не дай Бог сумеют что-то важное узнать.

А любое усиление России в нынешних условиях смерти подобно! Она и так уже почти вышла из-под контроля. И ни одна попытка изменить ситуацию уже несколько лет ни к чему не приводила, словно эту страну защищал кто-то невидимый, но неизмеримо сильный. Приходилось действовать исподволь, постепенно расшатывая ситуацию. Это понемногу удавалось, хотя неудача с украинским кризисом и притормозила реализацию проекта на несколько лет. К сожалению, так и не удалось заставить Россию ввязаться в войну с украинскими националистами после майдана, который Альвен раньше считал крайне удачным замыслом. Теперь он так уже не думал, с неподдельным изумлением наблюдая за жадными идиотами, захватившими власть на злополучной Украине. И из месяца в месяц уменьшал суммы, идущие на их поддержку, поскольку пользы от них не было никакой, сплошной вред. Ни одно порученное дело не было выполнено проклятыми дебилами как следует!

Однако ситуация понемногу начала выправляться. Россия все же полезла в Сирию, и это давало Альвену надежду повернуть ситуацию в нужном направлении. Да и всплеск патриотизма после присоединения Крыма в самой России постепенно сходил на нет, и вскоре уже можно будет вывести молодежь на площади, чтобы наконец разрушить проклятую страну, которую маг ненавидел всей душой.

Появление в этот момент беловолосого было как удар под дых. Тем более, появление именно в России. Вдруг он решит вмешаться? А он решит обязательно. У Палачей любого ранга слишком развито чувство справедливости, будь она трижды неладна. Причем справедливости не человеческой, а высшей. Множество усилий и сотни лет потребовалось, чтобы приостановить на Земле действие закона Воздаяния! И все улетит псу под хвост из-за какого-то мальчишки? Такого нельзя допустить.

Да, благодарность Палача, если Белозерцев является таковым, многое значит, но стоит ли она крушения лелеемых много столетий планов? Альвен очень сомневался в этом. Конечно, Торис будет против, но война с темной иерархией – дело давно знакомое и привычное, ничего нового. Да и если удастся остановить появление Палача в полной силе, темный тоже будет рад, ему не больше самого Альвена хочется Суда. Вспомнив, с каким трудом мир приходил в себя после последнего, светлый вздрогнул. Очень не хотелось снова столкнуться с таким кошмаром.

К тому же Белозерцев все же не похож на Палача, не является всесильной и неуязвимой сущностью, способной легко давить ангелов и демонов. А значит, выбора просто нет. Нужно остановить беловолосую тварь, которая и так сильно проредила ряды агентов влияния в Санкт-Петербурге. И ни в коем случае не магией! Обычным человеческим оружием в момент, когда Белозерцев будет в человеческом облике.

Альвен встал и ментальным посылом вызвал доверенного помощника, обычно занимающегося в иерархии самыми грязными делами. Как маг Лорхейн оставлял желать лучшего, но по изворотливости ему не было равных. Сволочь, разумеется, но очень нужная сволочь.

Решение было принято. Пришло время его осуществления.

4

Андрей покачнулся и открыл глаза. Уже привычное ощущение слабости после провалов в памяти. Проклятье, опять! Он с трудом сдержался от мата, вспомнив, что в камере, и открыл глаза. Увиденное заставило парня ошарашено приоткрыть рот. Дверь в камеру оказалась открыта, за ней никого не было! Что это может значить?..

Однако это продолжалось недолго. Со слоновьим топотом по коридору пронеслось несколько человек и влетело в камеру, наставив на Андрея автоматы с воплем:

– Стоять!!! Руки вверх!!!

Он поспешил послушаться, не желая получить порцию свинца в живот, и растерянно уставился на автоматчиков. Как ни странно, но они его боялись, это было видно по подрагивающим рукам и перепуганным глазам. Бойцы явно были готовы нажать на курок.

Ждать пришлось довольно долго, один из знакомых уже следователей появился только минут через десять. Запыхавшийся – видимо, бежал. При виде Андрея он остановился и ошалело потряс головой, словно не веря своим глазам. Но быстро взял себя в руки и принялся рассматривать арестованного, словно что-то непонятное и загадочное. Только в этот момент Андрей заметил, что одет в длинный белый плащ, и озадачился. У него не было такого плаща! Откуда он взялся?! Да и когда надеть успел?..

– Здравствуйте, Белозерцев, – наконец поздоровался следователь. – Следуйте за мной, пожалуйста.

Головатов двинулся к выходу, продолжая про себя удивляться – хотя им и передали приказ наблюдать за камерой, откуда исчез Белозерцев, но следователи посчитали это бзиком начальства – никто из них не верил, что беловолосый вернется в нее. Однако вернулся, и это настораживало. Причем вернулся в человеческом виде. Точнее, сначала камеры показали появление именно беловолосого, который за несколько секунд превратился в Андрея Белозерцева. Только белый плащ остался на нем.

Вспомнив еще один приказ, эфесбешник поморщился – приказано перевезти задержанного на закрытый объект. Мало того, их самих обязали тоже перейти на казарменное положение и отправиться на тот же объект. Видимо, секретные лаборатории, где Белозерцева уже ждут, радостно потирая руки, вивисекторы в белых халатах. Зачем он все-таки вернулся? Странно это...

Оглянувшись, Головатов отметил унылый вид Белозерцева и подивился про себя – талантливо играет! При его-то возможностях мгновенного перемещения! Исчез из тщательно охраняемой внутренней тюрьмы ФСБ, отсутствовал восемь часов, снова наворотил дел и вернулся, словно ни в чем не бывало. Пенкин с Саенко сейчас в центре города, разбираются с результатами художеств этой сволочи.

Недоумение Андрея все нарастало, происходило нечто очень странное – его вели в сопровождении уже чуть ли не десятка бойцов. То и дело из-за дверей или из-за угла кто-то выглядывал, смотрел на парня с нескрываемым ужасом и тут же скрывался. Двери впереди распахивали заранее, причем кто это делал, видно не было. Да что, черт возьми, все это значит?!

Наконец Андрея вывели во двор и усадили в микроавтобус, но не тот, в котором везли сюда. Этот был какой-то не такой, как бы не бронированный, уж больно толстые стенки у него оказались. Но при этом двигался мягко, двигатель работал почти неслышно, да и трясло мало.

Затемненные стекла не позволили узнать, куда везут. При этом Андрей опять, не отдавая себе отчета, видел все вокруг уже метров на пятьсот. Но не запоминал, а все так же отмечал про себя поступки людей и разделял их на три категории.

Ехали около часа. Выйдя из микроавтобуса, Андрей оказался в большом дворе, окруженном трехметровым бетонным забором с колючей проволокой сверху. Нигде не было ни травинки, не говоря уже о деревьях. Вид, в итоге, навевал уныние.

«Тюрьма, что ли?» – мелькнула грустная мысль.

– Прошу за мной, – уважительно обратился к Андрею Головатов.

Повторилась та же история. Задержанного окружали автоматчики, от которых настолько явственно пахло страхом, что ему становилось не по себе. Что происходит?.. Почему его боятся?..

Андрей ломал себе голову над увиденным, но ничего не мог понять. Была одна догадка, но он тщательно гнал ее от себя. Правда, она упорно возвращалась. Неужели он сотворил что-то страшное во время провала в памяти? Только этим можно объяснить страх вооруженных бойцов перед безоружным пленником.

Внутри светло-серого кубического здания Андрею сразу стало ясно, что это какое-то научное учреждение. Слишком много везде было разной незнакомой аппаратуры, да и людей в лабораторных халатах тоже хватало. От осознания этого факта почему-то стало муторно. А уж горящие нездоровым энтузиазмом глаза ученых вообще заставляли ежиться. Казалось, его уже разобрали на составные части, и цел он пока только по недоразумению.

Бесконечные коридоры, десятки раз сворачивающие в разные стороны, наконец привели в просторную комнату, заставленную компьютерами и множеством приборов, ни один из которых Андрей не узнал, но понял, что перед ним что-то медицинское. Его усадили в широкое кресло, пристегнув руки к подлокотникам широкими кожаными браслетами с металлическими прокладками внутри. От них к нескольким мягко жужжащим белым ящикам с множеством окошек и кнопок отходили жгуты проводов. Головатов сел напротив за стол и включил компьютер, затем набрал что-то на клавиатуре, наверное, пароль. Два автоматчика встали у стен, продолжая держать задержанного под прицелом, и это не вызывало у него радости.

– Итак, Андрей Михайлович, – сцепил руки в замок под подбородком эфесбешник. – Кто вы такой? Зачем вам все это понадобилось?

– Что вы имеете в виду? – растерялся Андрей.

– Не надо притворяться, ваше превращение и исчезновение зафиксированы, есть видеозаписи, – устало произнес Головатов. – Мы понимаем, что не можем причинить вам какого-либо вреда, вы это неоднократно доказывали, но хотя бы скажите одно: чего вы добиваетесь?

Андрей ошарашенно смотрел на него и ничего не понимал. Чего от него хотят? Какое, к чертям собачьим, превращение и исчезновение?! Похоже, его принимают за кого-то другого. Но за кого? И что теперь делать? Что говорить? Его словам, похоже, никто не верит.

Мысли взбесившимися птицами бились в голове, он все больше терялся, но в какой-то миг все понял. Провалы в памяти! Чем Андрей занимался в эти часы? Видимо, что-то нехорошее творил – потому и арестовали. И они уверены, что он все знает и помнит...

– Я, если в чем и виноват, то ничего не помню... – сказал он с тоской – У меня уже недели три провалы в памяти... Последний был сегодня...

Следователь хлопнул себя ладонью по лбу и закатил глаза. Андрей понял, что тот ему не верит. И как доказать свою правоту, не знал.

– Послушайте, Белозерцев, может, хватит? – По виду Головатова становилось ясно, что он смертельно устал и держится только на силе воли. – Если не хотите сотрудничать, то зачем вы вернулись?

– Куда я вернулся?! – чуть не взвыл Андрей. – Да поймите вы, что я не знаю, о чем речь! Я сидел в камере, видел охранников, потом дурнота, открываю глаза и вижу, что охранники исчезли и дверь в камеру открыта. Плащ белый кто-то на меня надел...

– Ну хорошо, предположим, – скептически приподнял бровь эфесбешник. – Давайте тогда посмотрим с вами один интересный фильм...

Он снова пробежался пальцами по клавиатуре, несколько раз кликнул мышкой и повернул экран к Андрею. На нем тот увидел себя, уныло сидящего на койке в уже знакомой камере. Ну и что они хотят этим сказать? Однако произошедшее на экране дальше заставило его уронить челюсть чуть ли не на грудь. Такого не могло быть просто потому, что не могло быть никогда! Глаза Андрея вылезли из орбит, когда он увидел, как белеют его кожа, волосы и одежда, как из ниоткуда на глазах появляются узкие черные очки, как от одного его взгляда охранники падают на пол. Господи, да что же это такое?!

Головатов наблюдал за реакцией допрашиваемого, и его удивление с каждым мгновением нарастало. Это что же получается, странный студент действительно ничего не понимает? Так никто не сыграет. Ужас и непонимание в глазах Белозерцева очень многое сказали опытному следователю. Сколько таких вот парнишек сидело перед ним в отчаянии, и отличать невиновных Головатов научился давно. Очень странно, даже более чем странно. Выходит, у Белозерцева действительно провалы в памяти, и он не осознает, что творит. Как это называли попы? Кажется, одержимостью. Одержимостью кем? От таких мыслей следователю стало не по себе, и он постарался отбросить их. Хм-м, а если поставить задержанному вдобавок запись одного из его художеств? Но не самого кровавого, а то еще в обморок упадет.

На экране появился человек с лицом Андрея и начал расшвыривать охранников очередного олигарха небрежными движениями рук, даже не дотрагиваясь на них. Огонь из десятка автоматов не производил на него никакого впечатления, пули просто падали у ног. Он даже помотал головой, надеясь, что это наваждение, но ничего не изменилось. В сознании билось только одно: такого не бывает! Однако видеозапись утверждала обратное.

– Значит, у вас были провалы в памяти? – спросил Головатов, когда экран погас.

– Да, – подтвердил Андрей. – Они сводили меня с ума, а к врачам я почему-то, сам не знаю почему, обращаться боялся.

– Попрошу назвать точные даты и время всех подобных случаев, которые вы помните.

Андрей задумался, а потом с удивлением понял, что в подробностях помнит каждую минуту с момента первого провала в памяти. Но он раньше не обладал абсолютной памятью! Хорошей – да, но никак не абсолютной! И стоит ли говорить об этом следователю? Немного посомневавшись, все же решил ничего не скрывать, поскольку не чувствовал за собой вины. Головатов в ответ на его слова только хмыкнул, что-то записал в свой планшет и попросил продолжать. Андрей на мгновение умолк, а затем принялся называть даты и время. И пока говорил, осознал еще кое-что – из-за стен тянуло чьим-то сумасшедшим любопытством, азартом и желанием поскорее начать эксперименты. А затем вдруг увидел все происходящее в здании, невзирая на стены. Это потрясло настолько, что он закашлялся и выматерился.

– Что-то случилось? – напрягся Головатов.

– Да! Я... я не знаю, как, но вдруг увидел это здание полностью, увидел одновременно каждого человека здесь и понял, что тот чувствует! Господи, да что же со мной творится?!!

Если бы мог, он бы схватился за голову, но руки были пристегнуты, и Андрей только замычал от отчаяния. А сознание между тем продолжало расширяться, охватывая пространство уже больше, чем на километр. Он все еще не осознавал, что продолжает разделять все события по трем категориям, но уже понимал, что способен на много большее, чем обычный человек. Это одновременно пугало и радовало.

– Вот как?... – Головатов подпер подбородок кулаком и принялся внимательно разглядывать Белозерцева.

Похоже, не лжет. И до смерти напуган. Вот так сюрприз! К беловолосому относились крайне серьезно, полагали игроком, а вместо этого получили не слишком умного неопытного пацана, который ничего не понимает и действует, как кукла под внешним управлением. Это меняло многие расклады, очень многие. Плохо только, что в форме беловолосого он не осо-

знает себя, а значит с ним невозможно договориться. Что делать в такой ситуации, эфесбешник не знал. Впрочем, это не его уровень компетенции, пусть решают наверху.

Даты и время провалов в памяти Белозерцева совпадали с датами и временем художеств беловолосого, что служило еще одним подтверждением. Значит, вывод пока один: отправить задержанного в камеру, а самому срочно докладывать начальству.

– Вас сейчас отведут в комнату, где вы сможете отдохнуть, – произнес Головатов. – А когда отдохнете, прошу ответить на вопросы ученых. Ну и позволить им взять кровь и прочее для анализов.

– Хорошо, – уныло кивнул Белозерцев, явно все еще пребывая в шоке.

Отдав охранникам короткий приказ, после которого пленника отстегнули от кресла и увели, эфесбешник поспешил в телефонную комнату – мобильная связь в здании лаборатории конторы не работала, связаться с внешним миром можно было только через местный коммутатор, имея соответствующее разрешение. Дозвониться до Мухина удалось далеко не сразу.

– А, это вы... – отозвался тот наконец. – Ну что?

– Провел первичный допрос Белозерцева. Он ничего не знает о своих действиях. И не помнит. Утверждает, что у него провалы в памяти.

– И?..

– Он не лжет, Анатолий Максимович, – твердо заявил следователь. – Вы меня знаете, опыт мой – тоже. Так вот: я могу с полной уверенностью сказать, что Белозерцев не имел ни малейшего понятия ни о чем, страдал от провалов в памяти, но боялся обратиться к врачу. Значит, мы имеем дело либо с одержимостью, хоть мне и не нравится этот термин, либо со второй личностью, скрывающейся в подсознании.

– А его возможности? – Из голоса начальника управления так и сочился сарказм. – Неуязвимость? Да и все остальное. Человек на такое не способен. И вы это не хуже меня знаете!

– Знаю, – подтвердил Головатов. – Но тем не менее продолжаю утверждать вышесказанное. О своих возможностях в форме беловолосого Белозерцев не имеет ни малейшего понятия. И не контролирует себя в ней. Увиденные видеозаписи стали для него шоком, могу поручиться. Однако сейчас у него кое-что проявилось уже в человеческой форме – абсолютная память и способность видеть сквозь стены на расстояние до пятисот метров. Плюс – эмпатия, способность ощущать, что чувствуют другие. Поэтому считаю необходимым изучить все, что только возможно. Белозерцев согласился сотрудничать с учеными добровольно.

– Это, конечно, хорошо, но...

И Мухин принялся настолько изощренно материться, поминая всех предков одного Белозерцева и выводя их родословную от диких скрещиваний самых невозможных существ, что Головатов даже заслушался.

– Да что случилось-то, Анатолий Максимович? – не выдержал он наконец, не понимая, что же заставило всегда выдержанного шефа так сорваться.

– Этот беловолосый придурок депутата Госдумы прищучил! – выдохнул тот. – Нам всем хороший пистон вставили! Требуют остановить это любой ценой. А как, если Белозерцев сам это не контролирует?! Как?!

– Не знаю... – вздохнул следователь. – Но Анатолий Максимович, все равно не стоит на парня давить – ни черта мы таким способом не добьемся. Точно вам говорю.

– Но что делать-то? Он же снова что-то натворит!

– Натворит, обязательно натворит. Но зато мы постепенно сможем понять, что он такое. Нам бы существо с такой силой никак не помешало в союзниках. Особенно сейчас. Сами знаете ситуацию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.